

Министерство внутренних дел
Российской Федерации
Нижегородская академия

**Проблемы
юридической науки
в исследованиях
адъюнктов и
соискателей**

Выпуск 29
Сборник статей

г. Нижний Новгород
2023

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЬЮНКТОВ
И СОИСКАТЕЛЕЙ**

Выпуск 29

Сборник статей

Под редакцией
кандидата экономических наук О. Л. Морозова

Нижний Новгород
НА МВД России
2023

УДК 001.8

ББК 67

П78

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *P. P. Алиуллов*
(Казанский юридический институт МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *A. С.-У. Теунаев*
(Волгоградская академия МВД России)

**П78 Проблемы юридической науки в исследованиях
адъюнктов и соискателей : сборник статей / под ред.
О. Л. Морозова. — Нижний Новгород : Нижегородская
академия МВД России, 2023. — Вып. 29. — 175 с.**

В сборник включены научные статьи адъюнктов и соискателей. Работы отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем, кто интересуется проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Список сокращений</i>	5
<i>Абаринов А. Д.</i> Особенности расследования и доказывания преступлений, связанных с легализацией средств, полученных от террористической деятельности	6
<i>Абдулкеримов Г. М.</i> О некоторых вопросах обслуживания объектов химической промышленности	16
<i>Алымова А. С.</i> Обзор некоторых показателей рынка труда в контексте обеспечения экономической безопасности	23
<i>Аралкин Н. А.</i> Взаимодействие подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции с государственными контролирующими органами при выявлении и раскрытии преступлений в сфере сельского хозяйства	30
<i>Балалаева Ю. С.</i> Теоретические предпосылки внедрения искусственного интеллекта в правотворческий процесс	37
<i>Баранова Л. В.</i> Анализ макросреды предприятий электротехники Нижегородской области: PEST-анализ	45
<i>Вихарев Д. Д.</i> Особенности расследования уголовных дел в сфере незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих в своем составе подконтрольные вещества	53
<i>Государев Т. Л.</i> Правовые основы освещения деятельности сотрудников органов внутренних дел как инструмент формирования положительного образа	63
<i>Гунченко Д. О.</i> Международный опыт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в странах с ангlosаксонской правовой системой	69
<i>Дубова М. Е.</i> Краткая характеристика структуры преступности, дискредитирующей органы внутренних дел Российской Федерации	75
<i>Железова Л. Ю.</i> Актуальные вопросы церковного права ...	82
<i>Кузнецов М. С.</i> Формальная теория оценки доказательств: исторический взгляд на оценку в отечественном уголовном судопроизводстве	88

<i>Левина Ю. Н.</i> Специфика преступлений в сфере экономической деятельности	93
<i>Макарова Ю. С.</i> Инструменты проверки обоснованности применения налоговых льгот	99
<i>Николаев И. С.</i> Перманентный рисунок (татуировка) как признак статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	105
<i>Павлова А. О.</i> Понятие и современные особенности коррупционной преступности в Российской Федерации	113
<i>Пасечная З. В.</i> Цифровая трансформация российского бизнеса и ее влияние на межотраслевую экономическую безопасность	122
<i>Простякова Д. П.</i> Разграничение мошенничества в сфере кредитования (часть 1 статьи 159 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) и незаконного получения кредита (часть 1 статьи 176 Уголовного кодекса Российской Федерации): уголовно-правовое исследование	128
<i>Ростов Д. В.</i> Временное (соматическое) заболевание обвиняемого как основание приостановления производства по уголовному делу	136
<i>Сысоева А. С.</i> Феномен женской наркотической преступности	149
<i>Тимошкина В. А.</i> Запрет определенных действий как квинтэссенция защиты лица посредством ограничений прав подозреваемого или обвиняемого	155
<i>Храмцов Е. С.</i> Электронные доказательства в доказывании по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	162
<i>Черкасова А. М.</i> Проблемы исчисления процессуального срока при задержании лица в рамках уголовного судопроизводства	170

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БВС РФ** — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации
ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации
ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации
МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации
НПА — нормативный правовой акт
ОВД России — органы внутренних дел Российской Федерации
ОРД — оперативно-розыскная деятельность
ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия
Подразделения ЭБиПК — подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции
РГ — Российская газета
РФ — Российская Федерация
СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации
СМИ — средства массовой информации
УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ФЗ — федеральный закон
ФЗ «О полиции» — Федеральный закон «О полиции»
ФНС России — Федеральная налоговая служба Российской Федерации
ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

*А. Д. Абаринов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. юрид. наук *А. Ю. Афанасьев*

**ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ СРЕДСТВ,
ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

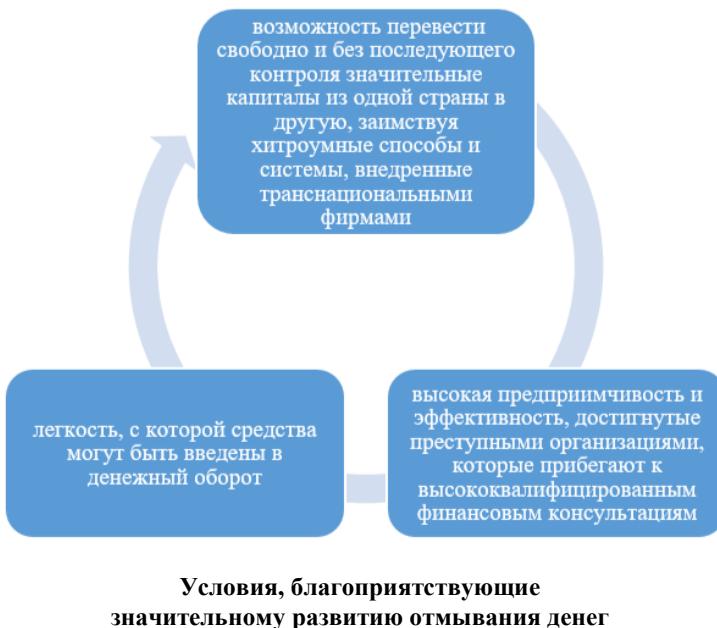
В настоящий момент расследование легализации (отмывания) денежных средств, полученных от террористической деятельности, имеет свои, присущие данному виду деяния особенности, которые значительно влияют на успешное раскрытие и предупреждение данного преступления. Отметим, что действия по легализации доходов, полученных от террористической деятельности, постоянно совершенствуются, что требует более тщательной подготовки правоохранительных органов и должностных лиц в области противодействия данным преступлениям.

В каждом случае преступного проявления отмывание доходов происходит, казалось бы, по шаблонной, но труднораскрываемой схеме, поскольку связующим звеном легализации является предикатное преступление, в результате чего и появляются денежные средства, которым в дальнейшем пытаются придать правомерный вид.

Трудности в раскрытии и расследовании данных преступлений обусловливаются также малым количеством возбужденных дел, что сказывается на следственной и судебной практике.

Комплексно исследовали вопросы, связанные с отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, для финансирования терроризма, а также проблемы использования экономической информации для выявления данных преступлений, следующие авторы: О. И. Амельчакова, С. А. Буткевич, В. А. Казанцева, И. Д. Мальцагова, Д. Е. Рубана, Г. В. Старцева и другие.

Считаем необходимым и целесообразным рассмотреть условия, которые способствовали «успешному» развитию легализации преступных доходов в последнее десятилетие (рисунок).

На практике оперативно-следственные подразделения могут столкнуться с различными трудностями, которые значительно повлияют на успешное расследование, а потом и доказывание преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных от террористической деятельности. РФ заинтересована в том, чтобы в государстве не процветали не только

терроризм, но и легализация доходов, полученных от преступной деятельности. Данная преступная деятельность почти всегда находит отражение в различных экономических (бухгалтерских) документах, однако на практике существуют исключения. Считаем целесообразным рассмотреть ситуации, с которыми могут столкнуться сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности и которые могут повлечь определенные трудности в доказывании легализации доходов, полученных от террористической деятельности.

Ситуация 1. Преступные доходы злоумышленник не проводит через финансово-кредитные организации (не инвестирует, не открывает вклады), а тратит их в форме наличных денежных средств на различные товары и услуги (в больших размерах). При этом какая-либо документация либо остается, но в малых, недостаточных количествах, либо преступник вовсе ее не оставляет. Быстрое приобретение товаров и услуг за счет преступных средств затрудняет обнаружение преступника путем прослеживания последовательности владения средствами. В такой ситуации усилия правоохранительных органов по восстановлению подобных операций значительно затруднены.

Ситуация 2. Злоумышленник прячет денежные средства и иное имущество в различных труднодоступных для других лиц местах (например, в подвалах, стенах, полу, матрасах). В данном случае преступник не испытывает большой потребности в этих доходах: он хочет выждать определенное время, чтобы позже потратить денежные средства, не вызывая при этом подозрений.

Несмотря на трудности, правоохранительные органы должны постоянно проводить мониторинг и анализировать практику выявления и расследования легализации преступных доходов. Согласно статистике, большая часть фактов отмывания преступных доходов, полученных от финансирования терроризма, расследуется следственными подразделениями совместно с Федеральной службой по финансовому мониторингу РФ (далее —Росфинмониторинг), ФСН России, Счетной палатой РФ и Центральным банком РФ.

Поводом к возбуждению уголовного дела чаще всего служат сообщения о преступлениях, связанных с легализацией денежных средств, полученных от террористической деятельности, передаваемые из Росфинмониторинга, а также оперативных подразделений Федеральной службой безопасности РФ и МВД России.

Выявление источников финансирования терроризма осложняется тем, что денежные средства могут передаваться в наличной форме, а не переводиться между счетами, поскольку виновные лица не заинтересованы в том, чтобы быть раскрытыми. Принимая решение о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 205¹ УК РФ, необходимо следующее [1]:

1) получить ответы на вопросы:

— имеются ли в представленных материалах проверки сведения о признаках преступления?

— какие следы и доказательства свидетельствуют о совершенном преступлении? Какие меры предприняты для их сохранения и закрепления?

— какие конкретные лица подозреваются в совершении финансового терроризма?

— какова сумма легализованного преступного дохода?

— какие способы использовались преступниками для осуществления финансирования терроризма?

— период совершения преступления;

— есть ли необходимость в проведении дополнительной проверки информации? Какие при этом необходимо произвести действия?

2) установить:

— наличие обстоятельств, исключающих производство по делу;

— факт, что средства были предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения преступлений террористической направленности.

Указанные и иные вопросы оказывают содействие следователям и оперативным сотрудникам при расследовании и

раскрытии преступлений, связанных с незаконным движением денежных средств, а также являются необходимыми для профилактики подобного рода преступных проявлений.

Считаем целесообразным и необходимым рассмотреть деятельность Росфинмониторинга в рамках содействия правоохранительным органам в борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма. Здесь можно выделить следующую проблему: после проведения финансового расследования и передачи материалов в оперативно-следственные подразделения последние перестают сообщать соответствующим органам о решениях и ходе расследования, раскрытия, принимаемых по материалам, предоставленным этими органами. Данные обстоятельства сказываются на работе финансовых организаций, не обладающих сведениями, которые могли бы способствовать предупреждению преступной деятельности.

Стоит учитывать нормативную базу, предусматривающую взаимодействие и обязанность одних органов перед другими, то есть взаимное информирование сторонами о результатах проводимых мероприятий, поскольку раскрытие уголовного дела ложится не только в основу следственной и судебной практики, но и должно оказывать профилактическое, предупредительное воздействие на подобного рода преступные проявления. Соответственно, правоохранительные органы обязаны сообщать в уполномоченные финансовые службы о проводимых мероприятиях, которые положительно будут сказываться и на работе другой стороны.

Если сотрудники Росфинмониторинг понимают, что совершается преступление, то всю имеющуюся информацию по нему они передают правоохранительным органам (материалы также направляют в налоговые органы). Важно, что вся информация, получаемая Росфинмониторингом и передаваемая правоохранительным органам, конфиденциальна и не подлежит распространению в каких-либо общедоступных источниках, опубликованию в СМИ.

В пункт 10 Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации сказано

о том, что правоохранительные органы совместно с Росфинмониторингом должны принимать меры, обеспечивающие слаженную работу, направленную на противодействие преступности, а также гарантировать конфиденциальность информации, которую получают в результате проведения своей деятельности [2].

Следует подчеркнуть тот факт, что подобная информация для оперативно-следственных подразделений имеет исключительно аналитический характер. Росфинмониторинг не обладает документами, которые доподлинно будут подтверждать информацию по преступным организациям, соответственно, у государственных органов отсутствуют поводы для возбуждения уголовного дела, что препятствует проведению расследования по имеющейся информации.

Исходя из сведений, предоставляемых Росфинмониторингом, правоохранительные органы могут выдвигать версии, способствующие раскрытию преступных схем, а также проведению мероприятий, необходимых при проверке преступной, незаконной деятельности [3]. Именно доследственная проверка позволяет уполномоченным органам собрать соответствующий материал, в котором содержится информация о признаках преступления.

В целом вся информация, передаваемая Росфинмониторингом в правоохранительные органы, должна иметь необходимое процессуальное закрепление. Некоторые авторы (например, О. А. Суров, Л. П. Климович) считают, что это возможно посредством помощи сотрудника данной службы в качестве специалиста. Именно он сможет правильно сформулировать вопросы, подводящие виновное лицо к раскрытию своей противоправной деятельности, а также вычислить схемы и иных лиц, способствующих совершению противоправного деяния.

Одной из форм взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов также является направление последними запросов надзорному органу в целях получения какой-либо оперативно значимой информации. Однако предо-

ставление такой информации не представляется возможной по ряду причин.

В первую очередь в запросе не всегда указывается преступление, предшествующее легализации, то есть противоправное деяние, в результате которого было совершено хищение денежных средств, которые и пытаются легализовать виновные. Проблема заключается и в наличии информации лишь о том, что есть некая сумма, фигурирующая среди определенного количества организаций, переводимая между конкретными счетами, но нет информации о целях, на которые были переведены денежные средства, и нет сведений о том, связаны ли денежные средства в единое преступление, либо иной.

Велика роль службы в решении вопроса о конфискации имущества, полученного преступным путем. Совместные мероприятия правоохранительных и финансовых структур должны проходить взаимосвязанно с предоставлением той части информации, которая доступна определенному органу, и быть направлена как на раскрытие и расследование преступлений, так и профилактику преступности.

В 2022 году межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма вынесла решение о замораживании активов 2 095 лиц. Следует отметить, что только с 2021 г. активы более чем на 35 млрд рублей, принадлежащие 258 лицам, были заморожены, что не позволило им перетечь в физические активы террористов [4]. В марте 2022 г. УФС России по Республике Карелия было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 205¹ УК РФ. В ходе проведения ОРМ и следственных действий было установлено, что иностранный гражданин, проживавший в тот период времени на территории Республики Карелия, перечислил денежные средства на счет одного из последователей террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам», тем самым осуществил финансирование террористической деятельности. Данный гражданин судом был признан виновным в совершении двух эпизодов террористического преступления, приговорен к 9 годам лишения свободы [5].

В настоящее время в связи с принятием ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] у многих лиц, которые пытаются вывести денежные средства через цифровую валюту, могут возникнуть осложнения, поэтому следует тщательнее прорабатывать ограничения по пользованию цифровыми операциями. Но не только в этом заключаются сложности в использовании нового ФЗ.

В последнее время прослеживается тенденция к снижению использования банковских карт, в том числе так называемых дроп-карт, при реализации противоправных деяний. В первую очередь это обусловлено развитием и популяризацией в обществе альтернативных средств платежа. Особую актуальность приобретают электронные средства платежа, в частности, цифровая валюта. Для финансирования терроризма, незаконного оборота оружия, незаконного оборота наркотиков преступные элементы могут использовать цифровую валюту анонимно, проводя денежные средства через несколько лиц.

Таким образом, деятельность сотрудников правоохранительных органов является необходимой составляющей нормального функционирования работы многих государственных учреждений, организаций, фирм, а также влияет на экономическую составляющую. Легализация денежных средств, полученных от преступной деятельности, наносит большой ущерб экономике государства, а также позволяет террористическим организациям вкладывать добывшие преступным путем деньги в иную противоправную деятельность.

При помощи привлечения специалистов, иных государственных организаций соответствующие органы должны обеспечивать должную защиту охраняемым законодательством интересам государства, личности и общества.

Использование экономической информации для противостояния легализации и финансированию преступной деятельности имеет большое значение и выражается в недопущении негативных последствий. Особенно данные обстоятельства

учитываются в статистике, которая подводится для подсчета степени эффективности работы государственных органов и специальных учреждений, направленных на борьбу с преступлениями.

В заключение отметим, что взаимосвязь между органами государства должна быть выстроена на высоком уровне, что позволяет бороться с преступностью. Нельзя забывать и о международных организациях, целью которых также является защита законных интересов граждан своего государства.

Примечания

1. *Лозовский Д. Н., Лозовская Н. Н.* Особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с финансированием терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 99–101.

2. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем: приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков России, Федеральной таможенной службы РФ, Следственного комитета при прокуратуре РФ, Росфинмониторинга от 5 августа 2010 г. № 309/566/378/318/1460/43/207 // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2010. № 3 (9)–4 (10). С. 115–124.

3. *Сахарова Е. Г.* Использование правоохранительными органами возможностей Росфинмониторинга при расследовании легализации доходов, полученных преступным путем // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 106–113.

4. Росфинмониторинг заморозил деньги более 2 тыс. террористов [Электронный ресурс] // Газета.ru: сайт. URL:

<https://www.gazeta.ru/business/2022/07/01/15064454.shtml?ysclid=lnsoewm6jr523454186&updated> (дата обращения: 15.10.2023).

5. Осужден иностранный гражданин за финансирование терроризма [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет: сайт. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb/osuzhden-inostrannyy-grazhdanin-za-finansirovaniye-terrorizma.html> (дата обращения: 15.10.2023).

6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 2, ст. 5018.

УДК 34

*Г. М. Абдулкеримов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук *В. И. Шаров*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБСЛУЖИВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Негативная тенденция к увеличению уровня преступности, связанной с химической промышленностью, и обострение криминогенной ситуации в этой сфере обусловливают пристальное внимание всех правоохранительных органов, особенно подразделения ЭБиПК МВД России.

Для решения большинства возложенных на подразделения ЭБиПК МВД России задач борьбы с преступностью требуются систематический сбор из различных источников необходимой информации и ее анализ, что осуществляется в процессе оперативного обслуживания объектов, находящихся в зоне оперативного подразделения ЭБиПК МВД России.

По сути оперативное обслуживание — это направление деятельности подразделений ЭБиПК МВД России по созданию необходимых организационных и оперативно-розыскных условий ОРД путем получения разнообразной информации об обслуживаемых объектах, ее анализе и оценке на их основе оперативной обстановки в целях выявления и раскрытия преступлений.

По мнению А. А. Фальченко [1, с. 84], Л. Н. Литковского [2, с. 89], деятельность по оперативному обслуживанию является базой для осуществления последующих направлений. Согласно современной теории и практики ОРД оперативное обслуживание является базовой организационной формой дея-

тельности подразделений ЭБиПК МВД России, лежащей в основе их специализации.

Процесс оперативного обслуживания направлен на обеспечение должной осведомленности оперативных подразделений ЭБиПК МВД России и получение информации о происходящих в отрасли негативных процессах, на сбор и обработку различной информации, а также решает задачи систематического оперативного контроля за конкретными объектами химического комплекса, занимающимися производством технологического сырья и товаров бытового назначения. Сегодня данному направлению индустрии отводится особое место в государственной экономике, так как без ее продукции не может обойтись ни одно направление народного хозяйства.

По официальной информации Министерства промышленности и торговли РФ в химической промышленности РФ работают более 20 тыс. предприятий и 600 тысяч сотрудников [3]. Химический комплекс включает более 20 подотраслей. В нем производят несколько десятков тысяч видов продукции. Перечень объектов, за которыми необходимо оперативное слежение, очень значителен. Так, объем государственной поддержки российских предприятий химического комплекса в 2022 г., по сравнению с предыдущем годом, увеличился в 2,5 раза, до 34,47 млрд рублей [4].

По результатам проведенного анализа оперативно-служебной деятельности подразделений по линии борьбы с преступлениями экономической направленности в сфере химической промышленности организация оперативного обслуживания подразделениями ЭБиПК МВД России объектов химической промышленности складывается из определения перечня предприятий и организаций и распределения таких объектов между подразделениями ЭБиПК МВД России различных уровней органов внутренних дел (МВД России, ГУ МВД России по СКФО, МВД, ГУ (У) по субъектам России, горрайорганам) [5; 6], организации взаимодействия между структурными подразделениями ЭБиПК МВД России и с другими службами органов внутренних дел, иными правоохрани-

тельными органами, различными контролирующими организациями.

Подразделения ГУЭБиПК МВД России, ГУ МВД России по СКФО, МВД, ГУ (У) по субъектам РФ, а также горрайорганизов внутренних дел осуществляют оперативное обслуживание объектов химической промышленности РФ соответствующих уровней. Так, Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, являясь подразделением полиции, выступающим в качестве самостоятельного структурного подразделения Центрального аппарата МВД России, осуществляет оперативное обслуживание объектов химического комплекса.

В структуре ГУЭБиПК МВД России борьбой с указанной группой преступлений занимаются сотрудники 12 отдела по борьбе с правонарушениями в сфере переработки углеводородного сырья и химической промышленности Управления «Р».

На уровне территориальных органов МВД России борьбой с указанной группой преступлений осуществляют сотрудники разных подразделений в структуре подразделений ЭБиПК МВД России. Структура подразделений ЭБиПК МВД России территориальных органов МВД России зависит от специфических особенностей конкретного региона РФ [7].

Химическая промышленность размещена на территории страны крайне неравномерно, но как отрасль имеется во всех федеральных округах РФ. Более 90 % ее продукции производится на Европейской части РФ, что обусловлено следующими основными принципами размещения химических производств:

- приближением производств к источникам сырья, топлива, энергии, к водным ресурсам;
- приближением производства к районам потребления продукции;
- обеспеченностью инфраструктурой, транспортной сетью;
- обеспеченностью трудовыми ресурсами [8].

Предприятия основной химии концентрируются преимущественно на Урале; химии органического синтеза и химии полимеров — в Поволжье; универсальный состав с возрастающей ролью новейших отраслей химической промышленности находится в Центральной части РФ [9].

На территории страны сформировано четыре химические зоны: Центральная, Урало-Поволжская, Сибирская и Северо-Европейская.

В некоторых регионах страны (например, в связи с благоприятными факторами размещения предприятий химического комплекса) в структуре региональных подразделений ЭБиПК МВД России есть подразделения, занимающиеся непосредственно обслуживанием объектов химической промышленности. В структуре УЭБиПК ГУ МВД России по Нижегородской области обслуживанием объектов химического комплекса осуществляют сотрудники 2 отдела (по борьбе с экономическими преступлениями в сферах промышленности, ОПК, топливно-энергетического комплекса, химической промышленности); в Красноярском крае — сотрудники 6 отдела (по борьбе с преступлениями в топливно-энергетическом, оборонно-промышленном и металлургическом комплексах) УЭБиПК ГУ МВД России по Красноярскому краю; в Омской области — сотрудники отдела (по борьбе с преступлениями в сфере ТЭК, химической промышленности, ЖКХ и на объектах транспорта) УЭБиПК УМВД России по Омской области, и т. д.

Особо отметим, что от 40 до 90 % себестоимости химической продукции приходится на сырье. В связи с этим именно сырьевой фактор оказывает огромное воздействие на размещение предприятий всех отраслей химического комплекса, а для горно-химической промышленности он является определяющим [10].

В регионах с не особо благоприятными факторами размещения объектов производства химической промышленности в структуре региональных ЭБиПК отсутствует отдельное подразделение, занимающееся оперативным обслуживанием объектов химического комплекса, поэтому борьбой с преступле-

ниями экономической направленности занимаются оперативные сотрудники подразделений, специализирующиеся на противодействии преступлениям, совершаемым во всей сфере промышленности или иных сферах экономики.

В крупных горрайорганах в подразделениях ЭБиПК МВД России на линию борьбы с преступлениями экономической направленности в сфере именно химической промышленности отдельные сотрудники обычно не выделяются, за исключением городов, являющихся центрами химической промышленности [11].

В небольших районных ОВД, как правило, применяется территориальный (зональный) принцип оперативного обслуживания, так как в этих органах в штате находятся три – четыре оперативных сотрудника подразделений ЭБиПК МВД России. В этой ситуации внедрить специализацию практически невозможно, хотя именно качественная организация оперативного обслуживания подразделениями ЭБиПК МВД России объектов и подотраслей химической промышленности РФ, также участвующих в освоении бюджетных средств, выделяемых в качестве государственной поддержки, позволит своевременно предупреждать, выявлять и раскрывать факты преступлений экономической направленности и устранять условия, создающие благоприятную обстановку для их совершения.

Таким образом, повышение эффективности борьбы с преступлениями в сфере химической промышленности напрямую зависит от четкого налаживания взаимодействия между оперативными подразделениями ЭБиПК МВД России различных уровней. В горрайорганах внутренних дел, как правило, отсутствует узкая специализация, в частности, линия работы по борьбе с преступлениями в сфере химической промышленности, однако существует практика линейного взаимодействия между структурными подразделениями ЭБиПК МВД России различных уровней, другими правоохранительными органами и контрольно-надзорными организациями. Это дает возможность максимально эффективно использовать силы и средства в борьбе с преступлениями в рассматриваемой сфере.

Примечания

1. Организация и тактика деятельности аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями: учебник / А. А. Фальченко [и др.]. Москва, 2000.
2. Литковский Л. Н. Деятельность по оперативному обслуживанию в новых условиях хозяйствования (по материалам ЭП) // Некоторые правовые и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Нижний Новгород, 1997. С. 89.
3. Химическая отрасль России в 2023 году [Электронный ресурс] // ООО «Волгоградпромпроект» — научно-производственное предприятие по производству малотоннажной химии: официальный сайт. URL: <https://www.volgpp.ru/news/press-reliz/khimicheskaya-otrasl-rossii-v-2023-godu/> (дата обращения: 08.10.2023).
4. Господдержка химического комплекса в 2022 году увеличилась в 2,5 раза, до 34,5 млрд рублей [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/898092> (дата обращения: 08.10.2023).
5. Атмажитов В. М., Ревин В. П., Токарев Е. В. Современные проблемы борьбы с экономической преступностью: учебное пособие. Москва, 1999. С. 11–24.
6. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // РГ. 2002. 2 ноября.
7. Об организации работы по налоговому администрированию крупнейших налогоплательщиков и утверждении критериев отнесения организаций к крупнейшим налогоплательщикам [Электронный ресурс]: приказ Министерства РФ по налогам и сборам от 16 апреля 2004 г. № САЭ-3-3-/290@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).
8. Химический комплекс [Электронный ресурс] // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/activities/industries/otrasli/chem> (дата обращения: 08.10.2023).

9. 10 крупнейших компаний в химической и нефтехимической промышленности из рейтинга RAEX-600 2022 года [Электронный ресурс] // RX RATING REVIEW: сайт рейтинговых агентств RAEX. URL: https://raex-rr.com/largest/including_industry/chemical_industry/2022/ (дата обращения: 08.10.2023).

10. Крупнейшие инвестиционные проекты [Электронный ресурс] // АЗОТ СИНТЕЗ ГАЗ РОССИЯ И СНГ. URL: <https://syngasrussia.com/investment-projects/> (дата обращения: 08.10.2023).

11. Химия в регионах России [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU. 2022. № 10. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/pererabotka/753890-khimiya-v-regionakh-rossii/> (дата обращения: 08.10.2023).

*A. С. Алымова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доц. *O. M. Елфимов*

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЫНКА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая безопасность складывается из устойчивого состояния многих сфер. Одной из них выступает ситуация на рынке труда, который двойственен по своему содержанию: с одной стороны, представляет собой часть общехозяйственной системы; с другой — отражает социальные индикаторы. По последним можно судить о благополучии населения.

Важнейшим показателем, характеризующим экономическую безопасность в сфере рынка труда, является численность рабочей силы. Эта категория включает две составляющие: занятых лиц и безработных: чем выше процент первых, тем устойчивее экономическое развитие в регионах и стабильнее социальная обстановка.

Полная занятость недостижима, однако ее высокий уровень обеспечивает рост производительности на предприятиях, расширение ассортимента товаров и услуг. При наличии у населения стабильного дохода улучшается качество жизни, снижается социальная напряженность. Это же обстоятельство положительно влияет на состояние преступности: большой удельный вес преступлений против личности и собственности приходится на преступления, совершенные лицами, не имеющими постоянного заработка.

За последние пять лет в РФ на 2 % снизилась численность рабочей силы (с 76 285,4 до 74 924,2 тысяч человек), одновременно за рассматриваемый период не произошло серьезных изменений в численности населения старше 15 лет, поэтому нельзя говорить о том, что снижение значения данного показателя связано с причинами демографического характера.

На рисунке 1 представлена гистограмма, отражающая динамику изменения численности рабочей силы и ее составляющих с 2017 по 2022 г. Количество безработных уменьшилось более чем на 1 миллион человек, в то время как численность занятых сократилась менее чем на 350 тысяч человек. Следовательно, структура рабочей силы за последние пять лет улучшилась, а уровень безработицы снизился от 5,2 до 3,9 %.

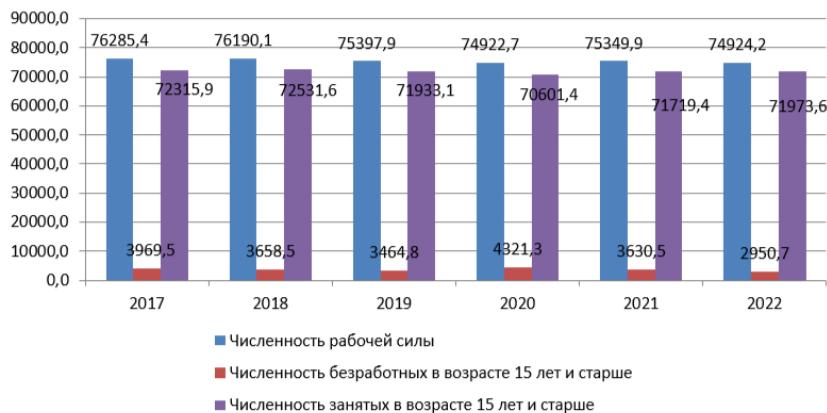

Рис. 1. Динамика изменения численности рабочей силы и составляющих ее элементов, 2017–2022 гг.

Наряду с численностью рабочей силы сократился и такой показатель, как «потенциальная рабочая сила». Под этой категорией понимаются лица, в настоящее время не относящиеся к занятым, но выражающие заинтересованность в получении оплачиваемой работы. Ее активные поиски ограничивают сложившиеся условия, которые также могут препятствовать началу осуществления трудовой или предпринимательской деятельности. Это та часть населения, которая в течение ко-

роткого периода времени и в ближайшее время готова приступить к работе [1].

В научной литературе широко распространено мнение, что большинство людей, входящих в рассматриваемую категорию, в действительности не заинтересованы в продолжении или старте трудовой деятельности [2]. В 2020 году лишь 25 % опрошенных желали вернуться к работе, при этом большинство из них никакими действиями свое заявление не подтверждали [3].

В составе потенциальной рабочей силы в равной мере представлены различные возрастные группы. Молодые люди в возрасте 15–24 лет хоть и составляют большую часть экономически неактивного населения, но слабо выражают готовность к трудуоустройству: они больше привержены стремлению получить достойное образование. Чаще всего о желании работать заявляют лица в возрасте 40–49 лет [3].

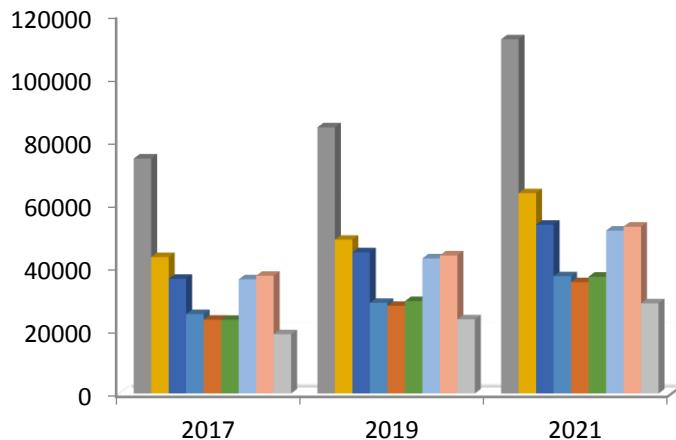
На заинтересованность людей в осуществлении трудовой деятельности первостепенное влияние оказывает уровень заработной платы. Официальная статистика предоставляет данные, характеризующие средний уровень дохода в зависимости от ряда факторов:

- по профессиональным группам;
- возрасту;
- уровню образования.

На рисунках 2–4 представлены гистограммы, отображающие динамику изменения заработной платы в зависимости от разных факторов.

Наиболее ощутимое увеличение дохода в 2017–2022 гг. отмечен у работников сельского и лесного хозяйства, рыболовства и охоты — 58 %: от 23 466 до 37 134 рублей; медленнее всего растет заработка операторов производственных установок и машин — 41 %: от 37 427 до 52 965 рублей (см. рис. 2).

Наиболее высокие доходы зарегистрированы у руководителей, специалистов высшего и среднего уровней квалификации, а также лиц, занятых в промышленности.

- Руководители
- Специалисты высшего уровня квалификации
- Специалисты среднего уровня квалификации
- Сфера документации, учета
- Сфера обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности
- работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства
- Работники в промышленности, строительстве
- Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители
- Неквалифицированные рабочие

Рис. 2. Динамика изменения средней заработной платы в зависимости от сферы деятельности, 2017–2022 гг.

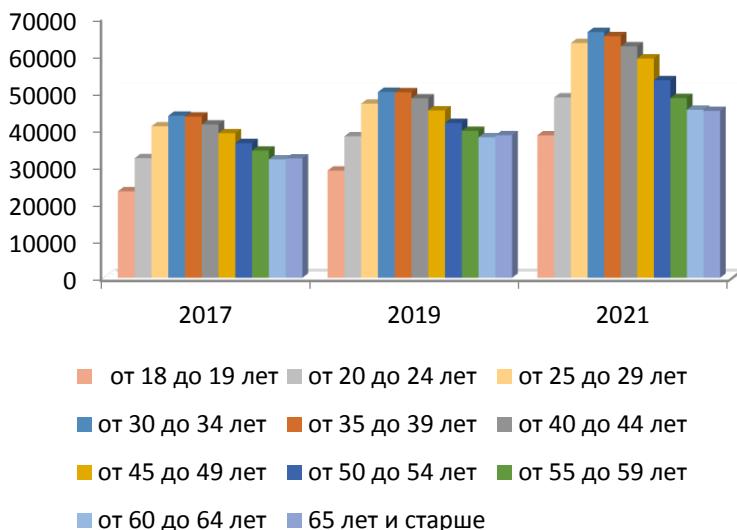

Рис. 3. Динамика изменения средней заработной платы в зависимости от возраста, 2017–2022 гг.

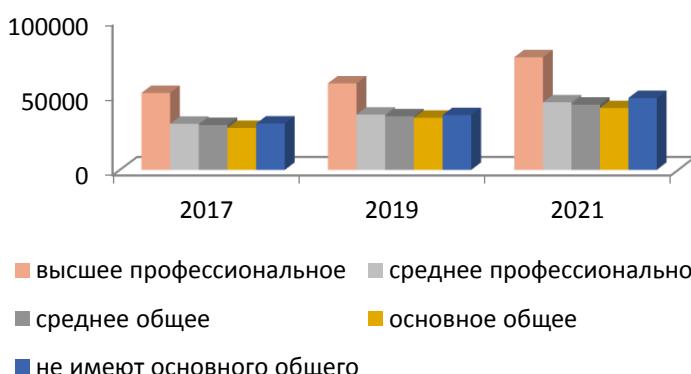

Рис. 4. Динамика изменения средней заработной платы в зависимости от уровня образования, 2017–2022 гг.

У молодых специалистов наиболее низкая заработка плата вследствие неполной занятости (совмещение с учебой), отсутствия необходимого опыта и уровня образования для трудоустройства на высокооплачиваемые должности. При этом у данной возрастной группы доход вырос существенное всего: на 65 % (см. рис. 3).

Наиболее высокие доходы от трудовой деятельности получают люди в возрасте 30–39 лет. Каждая последующая возрастная группа имеет более низкую заработную плату чем предыдущая. Это связано с большей амбициозностью молодых, их стремлением занимать руководящие должности, энергичностью, высоким уровнем работоспособности.

Заработная плата варьируется и в зависимости от уровня образования работника (см. рис. 4). Люди с высшим образованием могут рассчитывать на получение должностей с доходами, значительно превосходящими те, которые предлагаются по низкоквалифицированным вакансиям.

Примечательно, что заработная плата лиц, не имеющих основного общего образования, выше, чем у лиц, закончивших девять классов школы. Темп увеличения заработной платы данной категории лиц также самый высокий и составляет 55 % при общем росте в 48 %.

В 2017–2022 годах увеличилось количество лиц трудоспособного возраста, имеющих среднее профессиональное или высшее образование. Это говорит о повышении качества трудовых ресурсов и снижении рисков для экономики страны.

Снижение уровня безработицы указывает на формирование стабильного рынка труда в РФ. Вместе с тем отмечается сокращение численности рабочей силы при неизменной численности населения в возрасте от 15 лет. Это обстоятельство свидетельствует об увеличении количества людей, не зарегистрированных в качестве безработных или занятых. Эта часть населения в большинстве своем наполняет неформальный сектор экономики. Его масштабирование выступает серьезной угрозой экономической безопасности и региона, и государства.

Неформальная занятость отрицательно влияет на экономический рост, поступление налогов в бюджеты различных уровней, а также увеличивает диспропорции по распределению доходов.

Таким образом, несмотря на положительную динамику ряда показателей рынка труда, государству следует уделить особое внимание этой составляющей социально-экономической политики.

Примечания

1. Об утверждении Официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда [Электронный ресурс]: приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 декабря 2015 г. № 680. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met-680.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

2. Варшавская Е., Денисенко М. Трудовой потенциал экономически неактивного населения невелик [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. URL: <https://iq.hse.ru/news/177664103.html> (дата обращения: 13.10.2023).

3. Баскакова М. Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3. С. 105–116.

4. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 13.10.2023).

Н. А. Аралкин,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
канд. юрид. наук *А. Ю. Афанасьев*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КОНТРОЛИРУЮЩИМИ
ОРГАНАМИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Сельское хозяйство занимает одну из ключевых ролей в экономике РФ. В это сфере занято примерно 7 % работающего населения и задействовано около 13 % основных производственных мощностей. В последние годы сельскохозяйственный сектор активно развивается благодаря высокому спросу на сельскохозяйственную продукцию на международном рынке и активной реализации государственных программ развития агропромышленного комплекса (далее — АПК).

Большие финансовые потоки привлекают в сельскохозяйственный сектор криминальный элемент, который препятствует эффективному развитию отрасли. Задача подразделения ЭБиПК состоит в противодействии преступности в указанной сфере, а именно: в выявлении и раскрытии преступлений.

Основополагающим средством в выявлении и раскрытии преступлений является межведомственное взаимодействие.

Сельское хозяйство формируется из совокупности предприятий с разнообразными организационно-правовыми формами, имеет сложную структуру, множество производственных

циков и звеньев, а также иных факторов, которые обусловливают особую форму контроля, который осуществляется приведенными ниже государственными органами.

Контрольно-счетная палата РФ. Ее задачей является проверка законности, эффективности использования средств бюджета, а также целевого расходования выделенных мер поддержки. В пункте 8 ст. 16 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» [1] закреплена обязанность передачи материалов контрольных мероприятий, если в них усматриваются признаки преступления. Кроме того, подп. 1.1 п. 1 ст. 18 регламентирует, что контрольно-счетные органы вправе привлекать правоохранительные органы к проведению контрольных мероприятий.

Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору РФ (далее — Россельхознадзор), в полномочия которой входит ветеринарный, карантинный фитосанитарный, земельный контроль, лицензирование отдельных видов деятельности, контроль в сфере обращения с животными, контроль в области обеспечения качества и безопасности зерна и др. Широкие полномочия Россельхознадзора обуславливают тесное взаимодействие с правоохранительными органами, в том числе с подразделениями ЭБиПК.

С 2019 года Россельхознадзором совместно с подразделениями ЭБиПК было возбуждено 128 уголовных дел.

ФНС России. Ее основными задачами являются контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Основная доля нарушений выявляется при проведении выездных налоговых проверок. Достаточно часто сотрудники ФНС России встречают противодействие со стороны руководства и работников сельскохозяйственных предприятий, что делает необходимым присутствие сотрудников ЭБиПК.

Порядок указанного взаимодействия регламентируется приказом МВД России, ФНС России от 30 июня 2009 г.

№ 495/ММ-7-2-347 (ред. от 12 ноября 2013 г.) «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» [2].

Информационное взаимодействие подразделений ЭБиПК с ФНС России имеет наиболее широкую форму взаимодействия. Сотрудники ЭБиПК нередко обращаются за консультацией в налоговые органы, поскольку налоговое законодательство весьма обширное и сложное для усвоения, а оперативному сотруднику зачастую неизвестны некоторые аспекты нало-гообложения и критерии разграничения режимов нало-гообло-жения между сельскохозяйственными производителями.

ФЗ от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3] внесены изменения в ст. 140 и 144 УПК РФ, которые гласят, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199² УК РФ, служат материалы, направленные именно налоговым органом. Эти изменения свидетельствуют о том, что для воз-буждения уголовного дела материалы ОРД сначала предоставляются в налоговый орган, и только после его проверки, в случае обнаружения признаков налогового преступления, налоговый орган направит материалы в правоохранительные органы.

Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ (далее — Росфинмониторинг). В сельскохозяйственной отрасли широкое распространение получили такие преступления, как присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), уклонение от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ). Наиболее популярным преступлением является мошенничество (ст. 159 УК РФ) — 54 %; около 65 % всех преступлений совершается в крупном и особо крупном размере, что высвобождает в оборот значительные суммы незаконно полученных денежных средств.

Перечисленные обстоятельства обусловливают необходи-мость взаимодействия подразделений ЭБиПК и Росфинмони-

торинга при выявлении и раскрытии легализации (отмывании) доходов, полученных преступных путем и предикатных преступлений.

В пункте 11 приказа Генеральной прокуратуры РФ, Росфинмониторинга, МВД России, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной таможенной службы РФ, Следственного комитета РФ от 21 августа 2018 г. № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» [4] закреплены следующие формы информационного взаимодействия между правоохранительными органами:

1) выявление и проверка первичной информации о фактах легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, а также о предикатных преступлениях;

2) направление Росфинмониторингом на основании ст. 8 ФЗ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [5] информации и материалов в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией;

3) взаимодействие при производстве предварительного расследования уголовных дел [4].

Федеральная таможенная служба РФ. Новые условия международного экономического взаимодействия обусловили появление параллельного импорта, а также новых цепочек поставок сельскохозяйственной продукции на международный рынок преимущественно в страны Азии, Африки и Ближнего Востока. Сельскохозяйственная техника, запчасти к ней, оборудование и продукция перемещаются через государственную границу и облагаются соответствующей пошлиной. При этом не все участники внешнеэкономической деятельности полностью уплачивают полагающиеся им платежи, реализуя различные схемы уклонения от уплаты таможенных платежей, нанося экономический ущерб государству.

В 2021 году при перемещении государственной границы выявлено около 40 тыс. тонн сельскохозяйственной продукции без документов [6]. За 2022 год количество проверочных мероприятий, осуществляемых подразделениями таможенных органов совместно с правоохранительными органами, в том числе с подразделениями ЭБиПК, достигло 5 385 [7].

В качестве основных форм взаимодействия Федеральной таможенной службы РФ и подразделений ЭБиПК выделим:

- 1) взаимное информирование о наличии материалов, подлежащих изучению, реализации, необходимости проведения определенных следственных действий и др.;
- 2) разработку совместных планов проведения ОРМ и следственных действий;
- 3) совместную работу при рассмотрении сообщений о преступлениях;
- 4) совместную деятельность при выездах на места совершения преступлений.

Министерство сельского хозяйства РФ. Несмотря на то, что Министерство сельского хозяйства РФ не является контролирующим органом, в процессе реализации государственных программ развития сельского хозяйства сотрудники Министерства осуществляют проверку предоставляемых документов на соответствие установленным требованиям и в случае выявления признаков подлога или иных правонарушений правомочны сообщать о выявленных нарушениях в правоохранительные органы.

Межведомственное взаимодействие является одним из важнейших инструментов борьбы с преступлениями исследуемой сферы. Взаимодействие подразделений ЭБиПК с обозначенными органами, как и любой процесс, имеет ряд недостатков. По данным ГИАЦ МВД России, наиболее сложная ситуация складывается именно при реализации государственных программ развития сельского хозяйства:

во-первых, региональные структуры не имеют права проверять предоставляемую информацию в той мере, в какой это могут делать контрольно-надзорные органы;

во-вторых, служащие региональных структур сельского хозяйства значительно легче вступают в преступныйговор, чем сотрудники контролирующих органов, что способствует совершению преступлений коррупционной направленности;

в-третьих, в положении Министерства сельского хозяйства РФ отсутствует обязанность сотрудников проверять предоставленные сведения, то есть обязанность по выявлению и предупреждению преступлений рассматриваемой сферы целиком возлагается на подразделения ЭБиПК;

в-четвертых, на настоящий момент не разработаны нормативные акты, регулирующие взаимодействие территориальных органов МВД России на региональном уровне с государственными органами исполнительной власти, наделенными полномочиями в сфере сельского хозяйства, обязывающие последних передавать информацию о сомнительных кандидатах, участвующих в отборе на получение государственной выплаты, с целью их проверки.

Перечисленные составляющие препятствуют результативной деятельности по обнаружению хищений государственных выплат, выделенных на развитие сельского хозяйства и на выявление преступлений в сфере в целом.

Примечания

1. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // РГ. 2011. 11 февраля.

2. Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений: приказ МВД России, ФНС России от 30 июня 2009 г. (ред. от 12 ноября 2013 г.) № 495/ММ-7-2-347 // РГ. 2009. 16 сентября.

3. О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электрон-

ный ресурс]: ФЗ от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

4. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков России, Федеральной таможенной службы РФ, Следственного комитета при прокуратуре РФ, Росфинмониторинга от 5 августа 2010 г. № 309/566/378/318/1460/43/207. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: ФЗ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // РГ. 2001. 9 августа.

6. Глава ФТС: сегодня нужно восполнить внутренний рынок товарами первой необходимости [Электронный ресурс] // Новости в России и в мире – ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/13961255> (дата обращения: 10.10.2023).

7. Сведения о фактических значениях показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности ФТС России, показателей результативности и эффективности деятельности центрального аппарата ФТС России за 2022 год [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба РФ: официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/kontrol-naya-deyatel-nost-/rating/svedeniya-o-realizacii> (дата обращения: 10.10.2023).

**Ю. С. Балалаева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России**

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф.,
заслуженный юрист РФ *В. А. Толстик*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Сегодня профессиональному интеллекту (далее — ИИ) принадлежит лидирующее положение среди всех технологических решений. Это обусловлено высокой заинтересованностью государства в его развитии, внедрении и использовании, что, в частности, следует из выступлений Президента РФ В. В. Путина, подчеркивающего стратегическую важность соответствующих технологий для обеспечения безопасности нашей страны. На совещании с участниками заседания наблюдательного совета автономной некоммерческой организации «Россия — страна возможностей» В. В. Путин заявил, что развитие искусственного интеллекта не менее значимо, чем в свое время атомные или ракетные проекты Советского Союза в середине 40-х или 50-х гг. XX века [1].

Не менее важен ИИ и для оптимизации внутренних процессов государства. В качестве одного из них выступает правотворческий процесс. Здесь внедрение ИИ обусловлено рядом обстоятельств, которые мы назвали теоретическими предпосылками. Нами выявлены и описаны следующие предпосылки.

1. Информационная природа как самого правотворческого процесса, так и его результата — НПА. Она, в свою очередь,

обусловлена информационной природой более широкого процесса — процесса правового регулирования, поскольку его начальной стадией выступают создание и закрепление норм права.

На информационный характер правового регулирования в свое время обратил внимание и профессор А. Ф. Черданцев, описывая его как разновидность движения информации, на котором мы видим различного уровня и рода генераторы информации: правотворческие органы, правоприменяющие и другие субъекты, например, заключающие договор, и рецепторы информации (адресаты) [2, с. 5–9].

Полагаем, что правотворческий процесс можно отождествлять и с движением информации, в котором источником выступают органы государственной власти, уполномоченные разрабатывать и принимать НПА, а адресатами — физические и юридические лица. В процессе такого движения происходит преобразование информации. Так, информация, изложенная субъектом законодательной инициативы в проекте закона, как правило, претерпевает изменения в ходе его обсуждения в Государственной Думе РФ: устраняются различные неточности, ошибки, пробелы, противоречия. В результате мы имеем НПА, который может рассматриваться в качестве самостоятельного источника правовой информации, или данных. Виды таких данных можно выделить из структуры акта. К примеру, в законе, как правило, отражаются следующие данные:

- а) о законодательном органе;
- б) круге регулируемых общественных отношений;
- в) используемых терминах, категориях и понятиях;
- г) правах и обязанностях субъектов права;
- д) юридической ответственности;
- е) правовых нормах (актах), подлежащих отмене;
- ж) порядке опубликования и вступления в силу.

В современных условиях такой подход к правотворчеству представляет особый интерес. Заключая в себе определенную информацию, все НПА образуют сложную сеть данных. Это дает возможность формализовать (визуализировать) законода-

тельство в качестве математического объекта, иерархически организованной структуры, содержащей язык и явную взаимозависимость между положениями. Именно такое понимание, по мнению Ю. В. Трунцевского, позволит законодателям вводить новшества, создавать новые инструменты, которые преобразят опыт пользователя [3]. Полагаем, что одним из таких инструментов является ИИ.

2. *Логические основы правотворчества*. По справедливо-му утверждению А. А. Кененова и Г. Т. Чернобеля, любая система законодательства представляет собой цепь нормативных суждений, характеризующихся логической взаимосвязанностью. Последняя достигается путем соблюдения законодателем логических требований (принципов) к организации законотворческого процесса. Данные принципы и образуют его логические основы. Так, А. А. Кененов и Г. Т. Чернобель выделили четыре принципа:

- 1) адекватного отражения нормативно-правовых потребностей;
- 2) понятийной определенности;
- 3) модальной сбалансированности;
- 4) ретрибутивной обеспеченности [4].

Логические основы правотворчества свидетельствуют о том, что архиважное значение в нем имеет использование правил формальной логики. Особо отметим, что следование формально-логическим законам выступает одним из элементов юридической техники. Они применяются для построения как правовых актов в целом, так и их отдельных частей и положений [5, с. 5]. Нарушение данных законов ведет к формально-логическим дефектам, например, противоречиям правовых норм. В качестве отличительной особенности указанных противоречий профессор В. А. Толстик отмечал их продолжительное латентное бытие, которое становится угрозой эффективности правового регулирования только тогда, когда с ними сталкивается правоприменитель [6, с. 108]. Солидаризируясь с В. А. Толстиком, приведем пример из правоприменительной практики.

В ходе исследования судебной практики по вопросу о праве арендатора отказаться от внесения арендной платы, если при передаче имущества недостатки могли быть им выявлены, мы установили, что существует две позиции судов:

первая предполагает отсутствие у арендатора рассматриваемого права [7; 8; 9];

вторая, напротив, предусматривает его наличие [10].

В противоречие вступили ст. 611 и п. 2 ст. 612 ГК РФ. Это свидетельствует об отсутствии единобразия в правоприменительной деятельности. Это отсутствие, на наш взгляд, как раз и является угрозой эффективности правового регулирования.

Описанная выше связь формальной логики и правотворчества свидетельствует о том, что функционирующий на ее правилах ИИ может быть использован и для обнаружения формально-логических дефектов в НПА и для их недопущения.

3. Цифровизация или цифровая трансформация как новый тренд в развитии государства и общества. Сегодня мы наблюдаем модернизацию все большего количества процессов и явлений, которая происходит путем внедрения современных цифровых технологий. С позиции широкого подхода цифровизация связана не только с такими понятиями, как Big Data (большая база данных), blockchain (цепочка блоков информации), artificial intelligence (AI — искусственный интеллект). Это цифровое преобразование любой информации. Кроме того, ее субъектами могут быть не только представители бизнес-сообщества.

Как справедливо отмечает Е. С. Любовенко, у каждого имеется возможность модернизировать свою деятельность, используя те или иные возможности цифры. Любое оказание услуг, в том числе и государственных, посредством использования электронных каналов связи можно определить как цифровизацию. Основываясь именно на широком подходе, отметим, что сфера правотворчества — одна из тех, где процессы цифровой трансформации наблюдаются достаточно давно.

Исторически значимым стало создание таких инструментов правотворческой цифровизации, как:

- а) система обеспечения законодательной деятельности (официальный интернет-портал Государственной Думы РФ);
- б) официальный интернет-портал правовой информации, предназначенный для опубликования принятых НПА;
- в) интернет-портал «Российская общественная инициатива»;
- г) федеральный портал проектов НПА.

Нельзя не упомянуть об имеющихся сегодня инструментах цифрового учета НПА — справочных правовых системах («Гарант», «КонсультантПлюс» и др.), разработка которых началась в 90-х гг. XX в. Сегодня они становятся все более актуальными. Данные инструменты значительно облегчают деятельность субъектов правотворчества, обеспечивая быстрый поиск действующих законов и подзаконных актов, и позволяют избежать дублирование и коллизий норм права.

Полагаем, что ИИ открывает новые перспективы для электронной систематизации законодательства, в реализации которых, законодатель, несомненно, заинтересован.

Одной из последних новелл цифровизации стало использование технологий видео-конференц-связи для проведения заседаний Совета нижней палаты российского парламента, обусловленное пандемией короновирусной инфекции [11].

Полагаем, что следующие шаги по цифровизации правотворчества, основанные на технологиях ИИ, должны сильнее активизировать диалог правотворческих органов и населения. Это уже будут инструменты не электронной, а искусственно интеллектуальной демократии. Цифровые изменения, связанные с воздействием ИИ, положительно повлияют и на деятельность правотворческих органов, позволив им эффективнее решать однотипные, шаблонные задачи, оптимизировать процесс подготовки правовых документов и сосредоточиться на важных вопросах [12, с. 26].

4. Несовершенство (дефектность) современного правотворческого процесса. Верной является мысль, что в законодательных процедурах изъяны выявляются в ходе оценки качества принимаемых законов. Об его низком уровне свидетельствует, например, наличие в системе законодательства

значительного массива законов, содержание которых составляют поправки в уже действующие ФЗ.

Тревожным сигналом, по мнению А. В. Волкова, является следующая зависимость: «Время действия изменяемого закона зачастую ничтожно мало, а количество поправок, внесенных в него, — неприлично много, т. е. абсолютно несоразмерно с тем временем, в течение которого данный федеральный закон регулирует общественные отношения в той или иной сфере» [13, с. 192]. Это далеко не единственный индикатор.

С нашей точки зрения, о низком качестве принимаемых НПА («дефектном правотворчестве») говорят и другие обстоятельства, требующие отдельного исследования.

Рассмотренные теоретические предпосылки внедрения ИИ в правотворческий процесс представлены нами в виде схемы.

Таким образом, ИИ есть место в правотворческом процессе. Он может стать средством его оптимизации, сокращения имеющихся в нем дефектов.

Примечания

1. Путин отметил важность технологий искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1546469/2023-07-19/putin-otmetil-vazhnost-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 08.10.2023).
2. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. 192 с.
3. Грунцевский Ю. В. Закон как данные в эпоху цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. Москва, 2019. С. 66–73.
4. Кененов А. А, Чернобель Г. Т. Логические основы законотворческого процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 6. С. 71–76.
5. Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника: учебник. Москва, 2014. 536 с.
6. Толстик В. А. Технико-юридические приемы выявления, устранения и преодоления формально-логических противоречий // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 108–130.
7. Иск о взыскании долга по арендной плате удовлетворен, так как ответчик не представил доказательства внесения арендной платы, при этом суд учел, что арендатор знал о состоянии арендованного имущества в момент заключения договора и взял его в аренду без замечаний и указания на необходимый капитальный ремонт [Электронный ресурс]: постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 июня 2010 г. по делу № А02-1170/2009 (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 августа 2015 г. № Ф01-2547/2015 по делу

№ А79-5488/2014 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).

9. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 июля 2009 г. по делу № А32-10951/2008-16/174 [Электронный ресурс] (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).

10. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29 августа 2006 г. № А65-21581/04-СГ2-6 [Электронный ресурс] (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2023).

11. О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 ноября 2020 г. № 9078-7 ГД // СЗ РФ. 2020. № 46, ст. 7262.

12. Каменская Е. В. Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 21–27.

13. Волков А. В. Законотворческий процесс в России: проблемы теории и практики // Новое слово в науке: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2019. С. 191–194.

*Л. В. Баранова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. экон. наук *A. A. Софын*

**АНАЛИЗ МАКРОСРЕДЫ
ПРЕДПРИЯТИЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: PEST-АНАЛИЗ**

На функционирование предприятия любого вида экономической деятельности воздействуют факторы экзо- и эндоприроды. Изучение структуры, степени их влияния на работоспособность экономического субъекта приобретает первостепенное значение в формулировании положений стратегического развития.

Сложно утверждать о превалировании факторов микросреды над обстоятельствами макроспектра, так как оказываемое воздействие обеих групп в равной степени вполне способно дестабилизировать устойчивое состояние предприятия. В рамках статьи нами предложена качественная характеристика условиям внешней среды, влияющим на деятельность электроэнергетических компаний Нижегородской области.

Нижегородская энергосистема является частью объединенной энергосистемы Средней Волги. Данные, необходимые для характеристики энергетических возможностей региона, представлены на официальном сайте филиала АО «Системный оператор Единой энергетической системы» «Региональное диспетчерское управление энергосистем Нижегородской области, Республики Марий Эл и Чувашской Республики — Чувашии» (см. табл. 1 [1]).

Таблица 1

**Основные показатели энергетической системы
Нижегородской области**

Характеристика показателя	Числовое значение
Территория обслуживания, тыс. км ²	76,6
Население, млн человек	3,2
Установленная электрическая мощность на 01.01.2022, МВт	2739,6
Установленная мощность по видам генерации на 01.01.2022, МВт:	
ТЭС	2209,1
ГЭС	530,5

Примечательно, что в структуре установленной мощности по видам генерации отсутствуют станции, функционирующие на возобновляемых источниках энергии, однако на территории Приволжского федерального округа реализуется потенциал использования ветровой и солнечной энергии, что подтверждается в отчете о функционировании единой энергетической системы РФ (табл. 2 [2]).

Таблица 2

**Структура установленной мощности
по видам генерации за 2022 год**

Энергосистема	Всего, МВт	ТЭС		ГЭС		АЭС		ВЭС		СЭС	
		МВт	%	МВт	%	МВт	%	МВт	%	МВт	%
ЕЭС РОССИИ	247601,8	163539,4	66,05	50105,5	20,24	29543	11,93	2298,4	0,93	2115,5	0,85
ОЭС Центра	50504,6	34906,2	69,12	1820,1	3,60	13778,3	27,28	0	0,00	0	0,00
ОЭС Средней Волги	27979,6	16615,7	59,39	7026,5	25,11	4072,0	14,55	85,4	0,31	180,0	0,64
ОЭС Урала	53171,9	49292,5	92,70	1928,7	3,64	1485,0	2,79	1,7	0,00	464,0	0,87
ОЭС Северо-Запада	25104,2	15794,0	62,91	2966,4	11,82	6135,8	24,44	208,0	0,83	0	0,00
ОЭС Юга	27370,1	13828,5	50,52	6395,1	23,37	4071,9	14,88	2003,3	7,32	1071,3	3,91
ОЭС Сибири	52229,5	26478,1	50,70	25351,2	48,53	0	0,00	0	0,00	400,2	0,77
ОЭС Востока	11241,9	6624,4	58,93	4617,5	41,07	0	0,00	0	0,00	0	0,00

Отдельного внимания заслуживает представление информации относительно производства и потребления электроэнергии за 2013–2022 гг. (рис. 1 [3]).

Рис. 1. Динамика производства и потребления электроэнергии в Нижегородской области, млн кВт·ч

Согласно приведенным данным, базисный темп роста (2022 г. к 2013 г.) производства электроэнергии составил 23 %, получение электроэнергии от других регионов — 65 %, потребление электроэнергии — 85 %. Несмотря на сокращение энергетических дотаций, Нижегородская область входит в пятерку энергодефицитных субъектов РФ: большая часть потребляемой энергии приходится на ресурс, полученный извне.

Обозначенные характеристики необходимы для проведения PEST-анализа. Он представляет собой изучение факторов макросреды, влияющих на определение стратегического развития предприятий в долгосрочной перспективе. Аббревиатура складывается из первых букв исследуемых направлений:

Politics — политическая составляющая. Проводится анализ международной политической обстановки, внешней политики, затрагивающей судьбу изучаемых предприятий, внут-

ренной политики на федеральном, региональном и местном уровнях, изменений налогового законодательства, политики субсидирования и т. д.

Economics — экономическая составляющая. Внимание уделяется экономическим макропоказателям (динамике и структуре ВВП, валового регионального продукта (далее — ВРП), уровню инфляции, ключевой ставке, колебанию курса валют, уровню безработицы, изменением доходов населения, ценам на нефть, состоянию конкуренции на рынке и т. д.).

Social — социальная составляющая. В данную группу включены изменения в демографической картине, факторы, отражающие уровень жизни граждан, уровень средней заработной платы, динамика и нормы потребления электроэнергии населением, характеристика образовательной системы, квалификация кадров, доля трудоспособного населения и т. д.

Technology — технологическая составляющая. Тенденция последних лет указывает на возрастающие популярность и значимость технологической сферы. В ней рассматриваются достижения науки и техники, влияние ИТ-технологий на предприятия и т. д. (табл. 3).

Таблица 3
**PEST-анализ предприятий электроэнергетики
Нижегородской области**

Политические (<i>P</i>)	Экономические (<i>E</i>)
1. Напряженная международная обстановка. 2. Проблема перекрестного субсидирования. 3. Установление сбытовых надбавок гарантирующего поставщика региональными службами по тарифам	1. Снижение в структуре ВРП объемов, приходящихся на обрабатывающее производство. 2. Рост дебиторской задолженности
Социальные (<i>S</i>)	Технологические (<i>T</i>)
1. Нехватка квалифицированных кадров. 2. Экологическая обстановка	Цифровизация электроэнергетики

Политические:

1) напряженная международная обстановка порождает последствия, негативно влияющие на функционирование энергосистемы области, в частности, формирование пакета санкций в отношении российской экономики. Под ограничение импорта также попали европейские газовые турбины большой мощности, применяемые на парогазовых установках;

2) проблема перекрестного субсидирования одинаково существует на предприятияя электроэнергетики на всей территории РФ. Устоявшийся механизм порождает ценовую дискриминацию потребителей, подразумевающую различную степень финансовой нагрузки пользователей электроэнергии;

3) государственное регулирование сбытовой надбавки отражается на деятельности энергосбытовых компаний, выступающих в роли гарантированного поставщика. Несмотря на высокую ценовую планку (по сравнению с другими энергосбытовыми компаниями), за гарантирующими поставщиками сохраняется доминирующее положение на рынке. В таком случае энергосбытовые компании вынуждены конкурировать за потребителей, не заключивших договоры с гарантирующими поставщиками.

Энергетические компании Нижегородской области не являются исключением. Подобный статус получили ООО «Русэнергосбыт», ПАО «ТНС энерго НН», АО «ВолгаЭнергосбыт», АО «Обеспечение РФЯЦ-ВНИИЭФ». К независимым относятся АО «СВЕТ», Нижегородский филиал АО «Энергосбыт Плюс», ПАО «Россети Центр и Приволжье» [4].

Экономические:

1) динамика показателей обрабатывающего производства в составе структуры ВРП Нижегородской области показывает отрицательную тенденцию (см. рис. 2 [5]).

Тренд на снижение доли в общей структуре ВРП также свидетельствует о снижении уровня потребления электроэнергии предприятиями обрабатывающего производства, что в определенной степени снижает финансовые поступления энергосбытовых компаний;

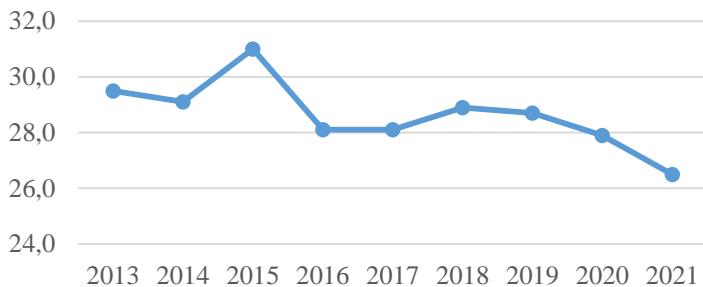

Рис. 2. Динамика доли обрабатывающего производства в структуре валового регионального продукта Нижегородской области, 2013–2021 гг.

2) рост дебиторской задолженности (рис. 3 [6]). В деятельности энергосбытовых компаний этот показатель всегда присутствует в структуре оборотных активов во внушительных объемах, что обусловлено образующимся разрывом между датой передачи показаний и предельным сроком оплаты потребленной энергии, составляющий минимум 15 дней.

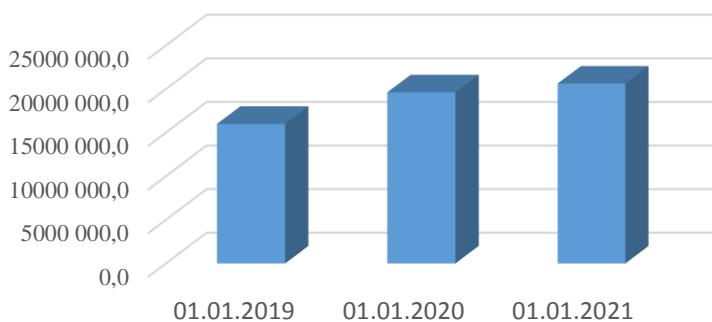

Рис. 3. Объем дебиторской задолженности, 2019–2021 гг., тыс. рублей

Динамика роста изучаемого показателя ПАО «ТНС энерго Нижний Новгород» подтверждает отрицательную тенденцию.

Социальные:

1) нехватка квалифицированных кадров в электроэнергетике, обусловленная низким уровнем оплаты труда, высоким уровнем текучести кадров, непопулярностью профессии среди молодого поколения. Кроме того, присутствует проблема разрыва теоретического материала и практической действительности;

2) в последние годы наблюдается обострение экологической обстановки. Колossalные объемы выбросов СО₂ в атмосферу вызывают нарастание социальной обеспокоенности климатической ситуацией. В связи с этим предприятия электроэнергетики взяли курс на декарбонизацию отрасли и активно продвигают практику использования возобновляемых источников энергии. Согласно представленным данным, на территории Нижегородской области альтернативная энергетика пока не нашла применения.

Технологические: установившийся тренд на цифровизацию экономики не обошел стороной электроэнергетику. В обиход постепенно внедряются искусственный интеллект, роботизация, большие данные, предиктивная аналитика и т. д. Однако всеобъемлющее распространение осложнено повышенным уровнем износа оборудования, нехваткой отечественных инновационных разработок.

В Нижегородской области программа цифровой трансформации нашла применение в строительстве и введении в эксплуатацию пяти цифровых городских диспетчерских пунктов, значительно сокращающих периоды нейтрализации технологических нарушений [7].

Таким образом, в целях формирования долгосрочной стратегии устойчивого развития предприятий электроэнергетики Нижегородской области целесообразно изучить и проработать факторы внешней природы. Влияние многих из них нельзя исключить полностью, но возможно ограничить. Кроме того, для отражения ситуации в целом необходимо проанализировать внутренние причины, где в качестве подручного средства может выступить SWOT-анализ.

Примечания

1. Нижегородское РДУ [Электронный ресурс] // Системный оператор Единой энергетической системы. URL: <https://www.so-ups.ru/odu-volga/odu-volga-rdu/rdu-nnovgorod/> (дата обращения: 14.10.2023).
2. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2022 году [Электронный ресурс] // Системный оператор Единой энергетической системы. URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/tech-disc/tech-disc2023/otchet-o-funkcionirovaniii-eehs/> (дата обращения: 14.10.2023).
3. Электробаланс и потребление электроэнергии в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики РФ: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 14.10.2023).
4. Каталог сбытовых компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://energybase.ru/electricityetail?...> (дата обращения: 14.10.2023).
5. Структура валового регионального продукта (ОКВЭД 2) [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 14.10.2023).
6. Финансовая отчетность ПАО «ТНС энерго Нижний Новгород» [Электронный ресурс] // ТСН энерго Нижний Новгород: официальный сайт. URL: <https://nn.tns-e.ru/disclosure/financial-statements/rsbu/> (дата обращения: 14.10.2023).
7. Пять объектов электроэнергетики построено в Нижегородской области в рамках программы «Цифровая трансформация» [Электронный ресурс] // Правительство Нижегородской области: официальный портал. URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/pyat-obektov-elektroenergetiki-postroeno-v-nizhegorodskoy-oblasti-v-ramkakh-programmy-tsifrovaya-tra> (дата обращения: 14.10.2023).

Д. Д. Вихарев,

**адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России**

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. *М. П. Поляков*

**ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО СЫТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ
ПРЕПАРАТОВ, СОДЕРЖАЩИХ В СВОЕМ СОСТАВЕ
ПОДКОНТРОЛЬНЫЕ ВЕЩЕСТВА**

Понятие «наркотик» знакомо каждому человеку, особенно в аспекте незаконности. В правовом поле существует множество подходов к определению понятий «наркотические средства» и «психотропные вещества». Остановимся на определении, наиболее подходящем для понимания в рамках уголовного процесса, не нагруженное иными терминами и углублениями в смежные науки: под наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами следует понимать любые виды веществ, препаратов, растений, материалов, которые внесены в утвержденный постановлением Правительства РФ Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ [1].

Законодатель закрепил понятие незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, при этом контроль и надзор осуществляется и за сферой их легального оборота.

В отношении сильнодействующих веществ ситуация с законодательным закреплением иная: официальное, закрепленное с конкретной формулировкой определения в законе отсутствует. Чтобы определить понятие «сильнодействующие вещества» необходимо обратиться сразу к нескольким НПА:

— к статье 234 УК РФ [2];

— постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3];

— постановлению Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [4].

Анализ положений перечисленных НПА позволяет сделать вывод, что под сильнодействующими веществами следует понимать любые виды веществ, средств, препаратов и иных форм, которые внесены в утвержденный постановлением Правительства РФ список, оборот которых подлежит контролю РФ.

Главой V ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5] предусмотрены виды деятельности, в отношении которых государственными контролирующими органами разрешено использование наркотических средств и психотропных веществ, в том числе в ветеринарии и медицинских целях. ФЗ, регулирующего легальный оборот сильнодействующих веществ, нет, но мы считаем, что условия их легального использования могут быть аналогичны условиям использования наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, к легальному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ можно отнести их применение в медицинской, фармацевтической деятельности. В данной сфере используются подконтрольные вещества, внесенные в соответствующие перечни и списки и зарегистрированные на территории РФ в порядке, установленном законодательством об обращении лекарственных средств — ФЗ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [6].

Основным каналом поступления в незаконный оборот таких средств и веществ является их незаконный сбыт, при котором медицинские препараты переходят из легального оборота в теневой.

Уголовная ответственность за этот вид преступной деятельности наступает как за незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ, то есть по ст. 228¹ УК РФ «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», так и за незаконный сбыт сильнодействующего вещества, то есть по ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» [3].

Расследование данной категории уголовных дел имеет ряд особенностей, связанных в основном с предметом преступного деяния, установлением знания о запрещенности деяния и доказывания наличия умысла.

Выделим необходимость достижения следующих обязательных целей расследования:

- 1) документирование преступного умысла лица и знания о преступности деяния;
- 2) установление факта сбыта;
- 3) выявление возможных соучастников;
- 4) установление путей получения препаратов;
- 5) определение схем сбыта;
- 6) проверка на причастность лица к иным эпизодам преступной деятельности (в том числе в отношении преступлений прошлых лет) и иным видам преступлений;
- 7) задержание лица с поличным;
- 8) сохранение полученных результатов ОРД и их закрепление [7].

Рассмотрим указанные цели подробнее.

Для закрепления полученных оперативными подразделениями материалов, подтверждающих наличие прямого умысла

лица, а также его осведомленности о преступности своих действий орган предварительного расследования использует результаты проведенных ОРМ в целях документирования преступного умысла и знания противоправности деяния, совершенного лицом. В рамках расследования указанные результаты ОРД могут документироваться путем прослушивания телефонных переговоров или просмотра видеозаписи проверочной закупки с последующим оформлением протокола осмотра.

В протоколе фиксируются не только факт совершенного преступного действия, но и отношение лица к его совершению, осознание преступности совершающегося действия, его запрещенности уголовным законом.

Установленное лицо в обязательном порядке допрашивается, в ходе допросов предъявляются указанные результаты ОРД в целях получения от лица каких-либо пояснений в отношении задокументированных разговоров, полученных сообщений и других свидетельств совершенного преступления. В ходе допроса также ставятся вопросы, позволяющие установить осведомленность задержанного лица и его умысел, направленный на сбыт.

В целях установления дополнительных доказательств, подтверждающих факт сбыта, в обязательном порядке производятся осмотры всей бумажной документации, которую вел задержанный. Органом предварительного расследования должны быть проведены осмотры обнаруженной и изъятой техники (ноутбука, персонального компьютера, сотовых телефонов); в отношении изъятых технических средств в обязательном порядке назначается компьютерно-техническая судебная экспертиза или осмотр с участием специалиста и применения им специальных средств обнаружения и фиксации обнаруженной информации.

В ходе проведения указанных мероприятий могут быть обнаружены записи о фактах сбыта иным лицам, контакты лиц, которым совершен сбыт, количество реализованных запрещенных средств и веществ, а также иная информация,

представляющая интерес для предварительного расследования [8].

В обязательном порядке направляются запросы в финансово-кредитные учреждения о предоставлении информации о движении денежных средств по банковским счетам подозреваемого лица. Полученная таким образом информация позволяет установить прослеживаемость периодов сбыта, соучастников преступления, зачастую отследить транзакции, совершенные организатором цепочки сбыта.

Совокупный анализ полученной информации, совместно осуществляемый в прямом взаимодействии с оперативным подразделением, позволяет собрать необходимую доказательственную базу для установления, закрепления и подтверждения совершенного преступного деяния, что не дает возможности виновному лицу избежать уголовного наказания.

Выявление возможных соучастников и установление путей получения препаратов являются обязательными для всестороннего расследования уголовного дела.

Чтобы достичь поставленную цель, необходимо провести кропотливую работу, связанную с анализом результатов ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи», в том числе на предмет возможных связей между лицами.

Если задержанное лицо осуществляет деятельности путем взаимодействия с интернет-магазином, то необходимо направить запросы в различные организации, связанные с этим магазином (фотохостинги, файлообменники, мессенджеры, организации, подключающие VPN-сервисы и др.) [9].

При взаимодействии органов предварительного следствия с данными организациями можно определить следующее: с какого IP-адреса осуществлены выгрузки обнаруженных в телефоне задержанного лица фотографий, к какому VPN-сервису был подключен используемый сайт или интернет-магазин и т. д.

Полученная информация позволит установить цепочку соучастников преступления и в конечном счете приведет к ор-

ганизатору сбыта наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ.

Лицо, ведущее расследование, в ходе допроса подозреваемого должно ставить вопросы, позволяющие установить соучастников совершенного преступления.

Если запрещенные средства или вещества подозреваемый получал с целью последующего сбыта путем непосредственного контакта с иным лицом, то необходимо составить фоторобот, отработать установленные средства связи, а также нацелить оперативные подразделения на проверку данной информации, установление лица и его задержание [10].

Используемые подозреваемым схемы сбыта чаще всего устанавливают оперативные подразделения с целью более эффективного задержания лица, позволяющего не только задержать его в момент совершения преступления, но и сохранить целостность оставленных следов преступления, зафиксировать возможные доказательства, установить соучастников совершенного преступления и оперативно их задержать.

Установление схемы совершенного преступления также необходимо и органам предварительного расследования, поскольку позволяет составить полную картину преступной деятельности.

В основном существуют две формы незаконного сбыта:

- 1) сбыт с использованием сети «Интернет»;
- 2) контактный способ, именуемый «из рук в руки».

Первый способ предусматривает такую особенность, как анонимность всех участничающих лиц, которая обеспечивается тем, что общение происходит в мессенджерах обезличено, с использованием только ников.

Сбыт запрещенных средств с помощью сети «Интернет» оставляет сетевой след информационный.

С целью обнаружения и фиксации схемы сбыта органами предварительного расследования проводится комплекс следственных действий, в том числе допрос подозреваемого лица, соучастников, свидетелей, присутствовавших на месте преступления в момент его совершения; осмотр изъятых техничес-

ских средств и средств связи; анализ предоставленных результатов ОРД.

Необходимо взаимодействие с финансово-кредитными организациями, операторами мобильной связи, интернет-провайдерами и другими по вопросам предоставления информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, информации, переданной посредством обмена сообщениями, информации о движении денежных средств и иной информации.

В ходе проверки лица на причастность к иным эпизодам преступной деятельности, в том числе по преступлениям прошлых лет, а также иным видам преступлений, необходимо привлекать не только оперативное подразделение, в плане отработки поручения. Следует проявить самостоятельность, в том числе проводить осмотры бумажных носителей информации и технических средств на установление иных фактов сбыта.

Установлению причастности подозреваемого лица к совершению преступлений прошлых лет может способствовать проверка лица по информационным центрам ЗАГСа на факт возможной смены установочных данных, что наиболее актуально для лиц женского пола, по имеющимся информационным центрам МВД России, в том числе получение информации в Главном информационном центре (далее — ГИАЦ МВД России), установленные в ходе предварительного расследования данные (название магазина, мест сбыта, ник, абонентский номер сбытчика, фотографий прошлых мест закладок и иных данных, способных идентифицировать причастность лица к иным преступлениям) [11].

Следователь и дознаватель должны принимать все меры для сохранности доказательственной базы. К данным мерам могут быть отнесены:

— незамедлительное проведение экспертиз и осмотров (пока не уничтожены или не повреждены следы преступления, например, при совершении преступления посредством интернет-магазина следы могут быть уничтожены путем осуществления удаленного доступа к техническим средствам);

- направление запросов в кратчайшие сроки операторам сотовой связи, финансово-кредитным и иным организациям, обладающим информацией, представляющей интерес для предварительного расследования (например, по представлению видеозаписи, VPN-сервисов, доменных имен);
- проведение своевременных и результативных допросов, очных ставок и проверок показаний на месте.

К сохранению и сбору доказательственной базы следует отнести проведение неотложных мероприятий сразу после задержания лица по подозрению в незаконном сбыте. Сюда необходимо включить:

- производство выемок веществ, предметов, документов;
- проведение осмотров изъятой техники, места происшествия, результатов ОРД, иных веществ, предметов, документов;
- получение образцов для сравнительного исследования (следов пальцев рук, биологических образцов, смывов и срезов ногтевых пластины, образцов голоса и др.), необходимых для производства экспертиз;
- проведение неотложных обысков по местам жительства/регистрации и иным установленным адресам подозреваемого, где могут быть обнаружены следы совершенного преступления, в целях обнаружения и изъятия веществ, предметов и документов, запрещенных или ограниченных к свободному обороту на территории РФ или имеющих значение для расследования уголовного дела [12].

Таким образом, при выполнении ряда следственных и процессуальных действий, при слаженном взаимодействий в рамках закона оперативных подразделений и органов предварительного расследования будут достигнуты положительные итоги деятельности правоохранительной системы.

В настоящее время в связи с распространением легального употребления наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ («аптечной наркомании») колоссальное значение имеют эффективное и правильное применение уголовно-правовых норм при квалификации преступного дея-

ния, своевременное закрепление и фиксация следов преступления, сбор доказательственной базы, подтверждающей преступность совершенного деяния и умысел лица на его совершение.

Важным условием передачи дела в суд являются своевременная фиксация и документирование сотрудниками правоохранительных органов преступных действий подозреваемого лица, а также квалифицированное расследование уголовного дела органом предварительного расследования.

Примечания

1. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 [с изм. и доп. по сост. на 15 июня 2022 г.]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.05.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: ФЗ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.05.2023).
3. Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.05.2023).
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [с изм. и доп. по сост. на 16 мая 2017 г.]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.05.2023).

5. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.05.2023).
6. Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: ФЗ от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.05.2023).
7. Пронина Е. Л. Особенности правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в Российской Федерации // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 14–24.
8. Петров М. В. Взаимодействие следователя с оперативными работниками как форма организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 15–17.
9. Кушхов Р. Х. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 115–119.
10. Яшин А. В., Казакова М. А. Особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Пензенского государственного университета. 2021. № 2. С. 59–63.
11. Битов А. А. Выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационных технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. С. 142–147.
12. Елфимов П. В. Тактические особенности проведения обыска при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств посредством использования сети Интернет // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 73–76.

*Т. Л. Государев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук *А. М. Хужин*

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСВЕЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА**

Анализ информационного пространства указывает на отсутствие достаточного объема объективной информации о деятельности подразделений полиции. Наиболее остро этот вопрос стоит в освещении деятельности подразделений по противодействию экстремизму в системе МВД России. Сфера и методы деятельности данных подразделений не всегда понятны даже сотрудникам иных подразделений ОВД России.

Большинство информационных материалов, опубликованных в СМИ и интернете, касающихся освещения работы этих подразделений, если не считать публикаций в ведомственных СМИ и изложения фактических результатов деятельности, сводится к публикациям правозащитных организаций, блогеров и либеральных общественных деятелей, в которых отсутствует объективная оценка обстановки, а деятельность правоохранительных органов представлена в формате работы карательной машины. В большей степени оценочные суждения о деятельности сотрудников центров по противодействию экстремизму имеют именно такой характер, при том что звучат они из уст лиц, имеющих значительный медиаресурс (популярные оппозиционные блогеры и журналисты).

Существенный вклад в формирование негативного образа сотрудника подразделения по противодействию экстремизму внес бывший сотрудник полиции В. А. Воронцов, неоднократно дававший интервью представителям СМИ и блогерам. В выступлениях он зачастую критиковал деятельность сотрудников центров по противодействию экстремизму, указывал на «заказной» характер дел в отношении некоторых лиц, а также необходимость предоставления отчетов о результатах деятельности подразделения в целях оправдания необходимости его существования. Так, в интервью журналисту латвийского сетевого издания «Медуза», признанного иностранным агентом и нежелательной организацией, В. А. Воронцов пояснил свое видение деятельности центра по противодействию экстремизму и рассказал об оценке деятельности сотрудников подразделения по балльной системе, что их деятельность превращалась в «палочную» систему. Критике и огласке подверглись мероприятия, направленные на выявление информационных материалов в сети «Интернет» экстремистского характера.

В. А. Воронцов сообщил корреспонденту издания «Медуза», что ему известны факты привлечения некоторых лиц к уголовной или административной ответственности, а также осуществления проверки «по некоему указанию» руководства, однако, с его слов, сам он в подобных мероприятиях участия не принимал. Таким образом, по его словам, уголовные или административные дела экстремистского характера возбуждаются либо по указанию руководства, либо в целях удержания целевого показателя выявленных дел и материалов.

Данным лицом высказано утверждение, формирующее морально-нравственный и интеллектуальный образ сотрудника центра по противодействию экстремизму. Он основывался на заключении о нежелании личного состава иных подразделений переводиться в центр по противодействию экстремизму ввиду незначительности, по мнению интервьюируемого, роли сотрудников центра в борьбе с преступностью, которая выражалась в составлении дел «за лайки и репосты», в связи с чем в таких подразделениях наблюдался большой некомплект,

а количество людей, разбирающихся в специфике деятельности, составляло менее 10 % от штатной численности [1].

«Низкому моральному облику» сотрудника подразделения по противодействию экстремизму посвящены и другие публикации в сети «Интернет».

Значительный вклад в создание образа репрессивной машины, направленной против политических и гражданских свобод мирных жителей, внесен в период и благодаря деятельности экстремистской организации «Штаб Навального». Активистами данной организации энергично распространялись идеи о возбуждении уголовных дел за лайки и репосты в социальных сетях, участие в несанкционированных публичных мероприятиях и т. д. Эти факты преподносились в качестве противодействия развитию гражданского общества в РФ со стороны правоохранительных органов. В таких информационных материалах активно использовались средства, упрощающие восприятие основной идеи оппозиционных активистов, чему способствовало использование аудиовизуальных материалов (видео, изображения), а также интерактивных сервисов (например, «Симулятор эшника, накликай срок» в сети «Интернет», представлявший собой браузерное игровое приложение).

В ходе анализа становится понятно, что основной целевой аудиторией, на которую направлена пропаганда по созданию негативного образа сотрудника подразделения по противодействию экстремизму, являются молодежь и активные пользователи сети «Интернет». В СМИ и сети «Интернет» недостаточно информационных материалов, рассказывающих о деятельности сотрудников центров по противодействию экстремизму, их возможностях и решаемых ими задачах, в том числе в упрощенной для восприятия форме. Такой дисбаланс создает почву для развития различных мифов и предубеждений, развенчивать которые гораздо сложнее, чем предотвращать их появление.

Законодательство РФ предусматривает открытость и публичность деятельности ОВД России в соответствии с требованиями ст. 8 ФЗ «О полиции». Эта законодательная норма по-

зволяет органам исполнительной власти в сфере внутренних дел учреждать СМИ для освещения деятельности полиции, обязывает информировать государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности посредством публикации сведений в СМИ, сети «Интернет», а также путем отчетов должностных лиц перед законодательными органами государственной власти субъектов РФ, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами [2].

Информационно-правовая работа в системе ОВД России осуществляется в соответствии с требованиями приказа МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» [3] и предусматривает проведение мероприятий в рамках правовой пропаганды, направленной на распространение и разъяснение правовых норм, а также практики их применения в сфере внутренних дел.

Правовая пропаганда осуществляется по направлениям служебной деятельности, в том числе путем проведения информационно-пропагандистских акций правовой направленности, которые, в свою очередь, представляют собой вид информационно-профилактической деятельности органов внутренних дел, направленной на распространение правовой информации среди населения, характеризующей роль МВД России, и меры, предпринимаемые в сфере поддержания законности и правопорядка [4].

Формирование негативного общественного мнения о деятельности подразделений по противодействию экстремизму свидетельствует о недостаточности проводимой работы, а привлечение к ответственности лиц, распространяющих указанного рода информационные материалы, и публикация опровержения не всегда возможно ввиду отсутствия статуса зарегистрированного СМИ либо подачи в формате изложения оценочного мнения, а не фактов.

Взаимодействие ОВД России со СМИ в целях формирования положительного образа сотрудника полиции, несмотря на многообразие форм и технологий, должно быть основано

на выработке действенных стратегий продвижения и доведения информации до населения по типу рекламирования и маркетингового представления в печатных изданиях, включая комиксы, презентации, обзоры; в кинематографе (достаточно вспомнить милиционера дядю Степу из советского мультипликационного фильма, героический ореол сотрудника милиции в фильмах СССР); в литературе и живописи и др.

Технология формирования положительного имиджа полицейского — сложная и многокомпонентная деятельность, нуждающаяся в привлечении творческих людей различных профессий (режиссеров, мультипликаторов, писателей, репортёров, поэтов, артистов и др.), представителей общественных движений и организаций, в том числе не относящихся к сотрудникам органов внутренних дел [5].

Таким образом, с точки зрения правового регулирования вопроса формирования положительного образа сотрудника ОВД России предусмотрена возможность осуществления такой деятельности как самими сотрудниками, так и с привлечением физических и юридических лиц.

Формирование образа сотрудника подразделения по противодействию экстремизму является узкоспециализированной и сложной задачей ввиду выполняемых данным подразделением функций, а также активной работой либерально настроенных граждан, имеющих представление о работе в этом направлении на основе публикаций, освещавших охрану общественного порядка на публичных мероприятиях, проводимых с нарушением законодательства, или фактах привлечения к ответственности за распространение информационных материалов экстремистского или террористического характера.

Проведение различного рода мероприятий, направленных на формирование положительного образа сотрудника подразделения по противодействию экстремизму и освещению деятельности, в данном направлении имеет определенные риски возникновения информационных поводов, которые могут быть использованы во вред репутации подразделения. В связи с этим данное направление деятельности ОВД России может

быть дополнительно регламентировано в рамках ведомственных нормативных правовых и распорядительных актов, в том числе составляющих государственную или служебную тайну.

Примечания

1. *Мерзликин П.* Что сотрудники Центра «Э» делают на митингах? Почему они все одинаковые? Откуда берутся дела за репосты? Отвечает бывший сотрудник подразделения Владимир Воронцов [Электронный ресурс] // Медуза: официальный сайт. URL: <https://meduza.io/feature/2019/08/23/chto-sotrudniki-tsentr-e-delayut-na-mitingah-pochemu-oni-vse-odinakovye-otkuda-berutsya-dela-za-reposty> (дата обращения: 12.10.2023).

2. О полиции [Электронный ресурс]: ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2023).

3. Об утверждении Наставления по организации право-вой работы в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 января 2007 г. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2023).

4. О совершенствовании деятельности подразделений информации и общественных связей, пресс-служб органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 6 сентября 2011 г. № 995 // Электронный фонд правовых нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902323067?marker=7DI0K7> (дата обращения: 12.10.2023).

5. *Зыков А. П.* Роль средств массовой информации в формировании положительного образа сотрудника органов внутренних дел [Электронный ресурс] // International Law Journal. URL: <https://ilj-journal.ru/wp-content/uploads/2020/02/zykov.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

УДК 343

*Д. О. Гунченко,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доц. С. В. Петров

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТРАНАХ
С АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМОЙ**

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства — вопрос, который был актуален довольно долгое время. Развитие и становление института государственной защиты на территории РФ произошло лишь в конце XX в. После раз渲ла Советского Союза общество в полной мере прочувствовало на себе изменения в различных сферах своей жизнедеятельности. Смена политического устройства, развитие рыночных отношений, формирование новых социальных институтов — это лишь некоторые аспекты, оказавшие значительное влияние на развитие правоотношений в государстве в целом.

Одним из наиболее существенных факторов стал в буквальном смысле разгул преступности: в 1990 г. количество зарегистрированных преступлений составляло 1,84 миллиона; в 1993 г. эта цифра увеличилась до 2,8 миллионов. В дальнейшем она немного снизилась, и в 1996 г. в общей сложности составила 2,63 миллиона официально зарегистрированных преступлений [1, с. 35].

С момента появление признаков рыночной экономики происходила и реструктуризация криминального мира. Широкое распространение получила организованная преступность,

что, несомненно, сказалось на вариативности использования различных способов и средств противодействия правоохранительным органам и судебной системе по привлечению к установленной законом ответственности.

Помимо угроз физической расправы над лицами, обладающими необходимой информацией о характере, способах совершенных преступных действий и других фактах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений, в арсенале криминальных элементов имеются огромные финансовые ресурсы, использование которых может быть направлено на подкуп должностных лиц.

Целями совершения коррупционных действий в отношении указанной категории лиц стало как влияние на ход раскрытия и расследования преступлений, так и получение информации о потерпевших, свидетелях, очевидцах и других лицах, обладающих сведениями о характере и фактах совершенных противоправных действий для дальнейшего на них воздействия. Следовательно, такая категория лиц, как участники уголовного судопроизводства, наиболее подвержена риску совершения по отношению к ним преступных действий.

Как было сказано выше, в РФ институт защиты участников уголовного судопроизводства начал формироваться относительно недавно, поэтому мы считаем актуальным проанализировать зарубежный опыт защиты свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства с целью его изучения и возможной апробации в системе отечественных правоохранительных органов.

Богатый опыт защиты участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств имеет Канада, где функционирует Программа защиты свидетелей, принятая в 1996 г. Ее цель заключается в обеспечении правопорядка, национальной безопасности, национальной обороны и общественной безопасности путем защиты лиц, которые прямо или косвенно оказывают содействие правоохранительным органам.

Для рассмотрения вопросов, возникающих на основании указанного закона, создано специализированное подразделение

ние — Комиссариат, включающий специальные подразделения по защите свидетелей на всей территории страны, координирующие программу с помощью местной полиции. В зависимости от фактов и обстоятельств они применяют различные виды мер, предусмотренные настоящим законом.

Согласно данному законодательному акту существуют две группы мер: кратко- и долгосрочные. Первые, как правило, предполагают быстрое реагирование на угрозу, затрагивающую свидетеля; вторые — переезд и связанные с ним издержки. Сюда также входят обеспечение безопасности и финансовая поддержка свидетелей, компенсирующая их затраты, понесенные в результате преступного воздействия на них. Важный аспект настоящего закона заключается в том, что в нем регламентируется деятельность независимого подразделения, занимающегося непосредственно физической защитой свидетелей.

Уникальной особенностью Программы защиты свидетелей является то, что свидетелю, допущенному к участию в ней и имеющему потребность в изменении своей личности, но обладающему судимостью, компетентный орган предоставляет право на получение документов с новой личностью, но прошлая судимость все равно будет отражена как в новых, так и в старых документах.

Институт по обеспечению безопасностью участников уголовного судопроизводства, пользующейся наибольшей известностью во всем мире, принадлежит правовой системе США. Появление Программы защиты свидетелей связано с принятием Закона о борьбе с организованной преступностью 1970 года и с поправками, внесенными Законом о комплексном контроле над преступностью 1984 года.

Для реализации положений указанной программы защиты свидетелей существует специализированное подразделение — Служба маршалов США, которая отвечает за безопасность свидетелей и их родственников, чьи жизни находятся под угрозой в результате данных ими показаний по федеральным уголовным делам.

Перед допуском свидетеля к программе защиты, как правило, проводится оценка степени угрозы.

Офицеры Службы маршалов США кратко излагают Программу защиты и сопутствующую информацию для свидетелей и членов их семей и немедленно увозят с предыдущего места жительства в безопасное и уединенное место.

В дальнейшем свидетелю также могут быть предоставлены денежные средства из фонда реабилитации и помощи, указанной категории лиц, что, несомненно, положительно сказывается на материальном положении лиц, содействующих правосудию.

Сервис маршалов обеспечивает круглосуточную защиту свидетелей, пока они находятся в зоне повышенной угрозы, в том числе и в местах предварительного заключения в период предварительного следствия и выступления в суде.

Программа также предполагает оказание консультативной помощи свидетелям, которая поможет им в процессе реабилитации.

Примерная стоимость обеспечения безопасности одного свидетеля с семьей в США составляет от 36 тыс. до 150 тыс. долларов [2, с. 250].

В Великобритании в рамках Программы защиты свидетелей существует служба UK Protected. Она входит в состав Национального агентства по борьбе с преступностью, отвечающее за предоставление защиты лицам, которым прямо или косвенно поступали угрозы от криминалиста, либо существует вероятность физического воздействия на этих лиц. Хотя это подразделение является частью Национального уголовного агентства, однако оно функционирует независимо от него.

Наиболее важным законодательным актом, регламентирующим защиту свидетелей в Великобритании, является принятый в 2005 г. Закон о организованной преступности и полиции. В этом законе отдельная глава посвящена конкретным положениям, касающимся защиты свидетелей. В нем перечислены обстоятельства, при которых человеку может быть предоставлена государственная защита.

Один из важных принципов системы уголовного судопроизводства Великобритании представляет собой концепцию открытой справедливости. Ее суть состоит в прозрачности всех этапов отправления правосудия, а в общем смысле означает, что суды открыты для общественных наблюдателей и любой желающий может присутствовать на всех этапах слушаний по уголовному делу, фиксировать и публиковать в любой удобной форме доказательства и показания свидетелей.

У принципа открытой справедливости есть и некоторые исключения. Закон о государственной тайне 1920 г. дает суду право запретить общественным наблюдателям посещать судебные заседания и распространять обстоятельства, связанные с разбирательством, если существует угроза безопасности участников судопроизводства.

Важно обратить внимание на то, что помимо национальной программы по обеспечению участников уголовного судопроизводства также функционируют местные и региональные программы [3, с. 47]

Закон о правосудии по делам несовершеннолетних и доказательствах по уголовным делам 1999 г. также содержит некоторые положения, касающиеся защиты свидетелей. Одно из них регламентирует процедуру допроса лиц, которым может угрожать опасность, и разрешает им давать показания посредством телекоммуникационных сетей с возможностью изменения голоса, внешности и т. д.

Таким образом, отечественная система защиты участников уголовного судопроизводства находится на этапе формирования. Мы считаем, что необходимо досконально изучать как положительный, так и отрицательный опыт стран, связанный с применением мер государственной защиты.

Российская Федерация занимает первое место в мире по территории, что дает множество уникальных возможностей для апробации различных моделей государственной защиты в отдельных субъектах с целью выявления наиболее подходящей для современных правовых реалий отечественной правовой системы.

Примечания

1. *Weiler-Boulder J.* Human rights in Russia: a darker side of reform. London, 2004. 165 с.
2. Журкина О. В. Сравнительный анализ государственной программы защиты свидетелей в России и США // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4 (165). С. 249–253.
3. Краснова К. А. Защита свидетелей в Европейском союзе: правовое регулирование // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 2 (86). С. 46–49.

*М. Е. Дубова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р соц. наук, доц. *Д. А. Шпилев*

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПНОСТИ, ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕЙ ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из основных отличительных признаков преступности является ее структурно-системный характер [1, с. 73]. Г. А. Аванесов, рассуждая о сущности этой черты преступности, рассматривал ее как наличие комплекса взаимосвязанных элементов — преступлений и видов преступности [2, с. 163–166].

Структура преступности — это соотношение различных видов преступлений и отдельных категорий преступлений, совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени.

Осведомленность «о внутренней конструкции» определенного вида преступности позволяет анализировать и оценивать ее динамику и тенденции, выявлять самые распространенные виды преступлений, их особенности, определять наиболее уязвимые группы населения и сферы общественной жизни, разрабатывать и совершенствовать меры по противодействию этому негативному социальному явлению.

В нашем случае описание структуры преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД России, необходимо для установления основных источников компрометации ОВД России, степени выраженности негативного воздействия на имидж и авторитет двух основных подвидов исследуемого вида преступ-

ности: сопряженной с внешней дискредитацией ОВД России и сопряженной с самодискредитацией ОВД России.

В попытке установления фактического состояния, характера преступности, компрометирующей ОВД России, Н. Н. Дьяченко сравнила количество преступлений, совершенных сотрудниками ОВД России с количеством преступлений, совершенных в отношении них, в результате чего пришла к выводу, что соотношение приблизительно равно 1:5. Используя эту методику описания структуры преступности, дискредитирующей ОВД России, и соответствующие выводы [3, с. 74], считаем целесообразным прибегнуть к тому же методу.

По данным Центра статистической информации Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России), только в 2021 г. потерпевшими от преступных посягательств стали более 20,4 тысяч сотрудников ОВД России; из них — 18,1 тысяч приобрели этот статус в связи с выполняемыми служебными обязанностями. Напомним, что в том же году сотрудники совершили 4 252 преступления [4]. Исходя из этого и ориентируясь на наши более ранние разработки [5], основанные на результатах изучения судебной практики, анкетирования сотрудников ОВД России и граждан, научной литературы, можем высказать предположение относительно структуры преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД России, в современной РФ (рис. 1).

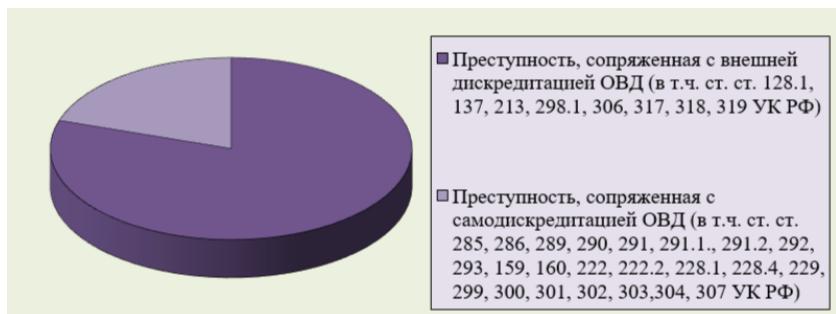

Рис. 1. Структура преступности, сопряженной с дискредитацией органов внутренних дел Российской Федерации

Уяснение структуры преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД России, затруднено отсутствием в открытом доступе статистической отчетности о количестве потерпевших сотрудников ведомства в результате совершения в отношении них преступлений. Напомним, что данные о количестве преступлений, сопряженных с самодискредитацией, носят открытый характер, и результаты их детального анализа отражены в более ранних публикациях автора [5].

Преступления, где потерпевшими являются сотрудники ОВД России, учитываются в форме статистической отчетности ГИАЦ МВД России под кодом 456 «Защита». Несмотря на ее формально открытый характер, по указанию ГИАЦ МВД России распространение и предоставление как общедоступной, вне системы МВД России этой информации не предусмотрено. В этой связи мы можем использовать исключительно результаты собственного изучения и сравнения запрошенных нами сведений, а также прибегнуть к оригинальным методам аргументации нашей позиции.

В поисках убедительных доводов превалирования доли внешней дискредитации над самодискредитацией в общей массе преступности, сопряженной с компрометацией ОВД России, мы обратились к дополнительным данным, способным подтвердить верность нашего суждения. В первую очередь мы рассмотрели состояние административной deliktnosti, сопряженной с умалением авторитета ОВД России, ведь нередко именно систематическое совершение административных правонарушений является первым шагом в реализации стратегии преступной дискредитации ОВД России.

Используя аналитические материалы Судебного департамента при ВС РФ с 2018 по 2022 г., мы отразили динамику количества совершаемых административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ [6].

Данные, представленные на рисунке 2, позволяют зафиксировать негативную тенденцию увеличения количества лиц, привлекаемых к административной ответственности в связи

с неповиновением законным требованиям лиц, указанных в диспозиции ст. 19.3 КоАП РФ, в числе которых сотрудники ОВД России.

Рис. 2. Статистические сведения о количестве лиц, подвергнутых административному наказанию по статье 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, 2018–2022 гг.

Вычисляя темп прироста, отметим следующее: в 2019 г. он составил 6,2 %; 2020 г. — 13,9 %; 2021 г. — 1,5 %; 2022 г. — 3,2 %.

Сравнивая показатели 2018 и 2022 г., замечаем, что количество увеличилось в 1,2 раза, что вызывает опасения, так как подобная динамика, на наш взгляд, свидетельствует о популяризации идеи неподчинения власти, требованиям ее представителей, неуважения ее и сознательного желания противодействовать сотрудникам силовых структур.

Некоторые выводы относительно тенденций преступного противодействия сотрудникам правоохранительных органов и иным представителям власти, сопряженного с дискредитацией, можно сделать на основе результатов изучения открытых статистических данных о количестве выявленных за последние годы преступлений, предусмотренных ст. 317, 318 и 319 УК РФ.

Осознавая спорность идеи о возможности отождествления потерпевших по данным статьям с сотрудниками ОВД России,

все же полагаем возможным использовать такие данные как минимум по трем основаниям:

- 1) ОВД России — наиболее многочисленное правоохранительное ведомство;
 - 2) именно его сотрудники чаще иных представителей власти выступают потерпевшими (вывод основан на результатах изучения материалов судебной практики и данных, отраженных в форме статистической отчетности № 456 «Защита»);
 - 3) отталкиваясь от сущности дедуктивного метода познания, полагаем, что общие тенденции в данном случае допустимо переносить на частные.

Вновь обращаясь к данным ежегодным сборникам ЦСИ ГИАЦ МВД России (1-ЕГС, Единый отчет о преступности, раздел 18) [4], опишем динамику преступности с 2016 по 2022 г. по исследуемой группе преступлений (рис. 3).

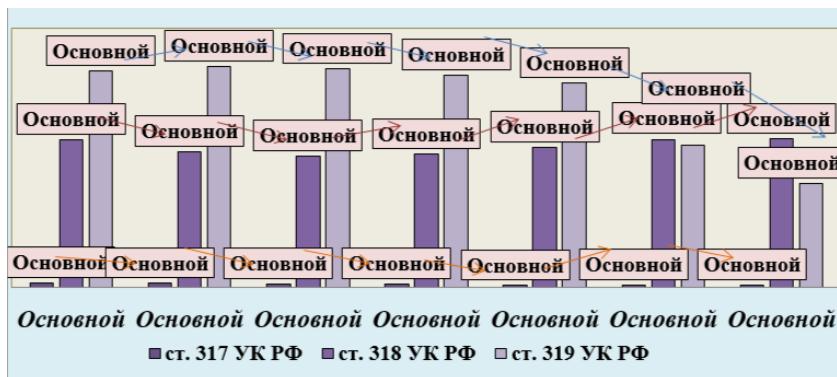

Рис. 3. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК РФ, 2016–2022 гг.

На основе полученных данных сделаем следующие выводы.

1. С каждым годом снижается количество лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ: тенденция стабильная и позитивная. Если в 2016–2019 гг. было выявлено не менее 13 тысяч преступников, то в 2022 г. их количество снизилось в два раза до 6,4 тысяч.

2. Некоторое беспокойство вызывает рост (с 2018 г.) количества граждан, совершающих преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ. К 2022 году показатель превысил уровень 2016 г.: после поступательного снижения вновь зафиксирован устойчивый прирост.

3. В позитивном ключе можно было бы говорить об уменьшении количества лиц, посягнувших на жизнь сотрудника правоохранительного органа: устойчивая тенденция зафиксирована с 2016 по 2020 г., однако в 2021 г. вновь произошел скачок: прирост составил 44,5 %, что также заслуживает внимания, несмотря на незначительное снижение в 2022 г.

4. Суммируя количество зарегистрированных преступлений, ответственность за которые предусматривается ст. 317–319 УК РФ, заметим: в 2016 г. таковых насчитывалось 22 781; 2017 г. — 22 341; 2018 г. — 21 799; 2019 г. — 21 549; 2020 г. — 21 362; 2021 г. — 18 103; 2022 г. — 15 760.

Нельзя не отметить позитивную динамику постепенного снижения общего количества преступных посягательств на представителей власти, в первую очередь сотрудников правоохранительных органов, в частности, ОВД России.

5. Возвращаясь к выдвинутой нами гипотезе относительно структуры преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД России, заметим: если допустить, что хотя бы в половине от общей массы изученных посягательств потерпевшими являлись полицейские, то даже в этом случае количество преступлений, самодискредитирующих ОВД России, более чем в два раза уступает числу посягательств, сопряженных с внешней дискредитацией.

Подводя общие итоги проведенного исследования, укажем, что в ходе изучения материалов судебно-следственной практики, данных из источников СМИ, результатов проведенного анкетирования, показателей отдельных статистических форм отчетности ЦСИ ГИАЦ МВД России был сформирован авторский взгляд на структуру преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД России. Определено, что ее формируют преступные деяния, характеризующиеся наличием либо

умышленного намерения дискредитировать полицейское ведомство с использованием незаконных методов и средств, связанных, в частности, с клеветой и освещением заведомо ложных материалов в целях формирования негативного отношения населения к ОВД России, либо субъекта преступления в лице сотрудника ОВД России, поведение которого неизбежно подрывает авторитет ведомства. Схематично она отражена на рис. 1. Авторский взгляд аргументирован рядом доводов, подтверждающих выдвинутую гипотезу.

Примечания

1. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2005.
2. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. Москва, 1980.
3. Дьяченко Н. Н. Место оперативно-розыскной деятельности в системе противодействия дискредитации сотрудников органов внутренних дел: монография / под ред. Э. А. Васильева. Москва, 2017.
4. Структура Министерства внутренних дел Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xnp1ai/mvd/structure1/Centri> (дата обращения: 10.10.2023).
5. Дубова М. Е. Обзор количественных показателей преступности сотрудников органов внутренних дел России, со-пряженной с самодискредитацией // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 93–98.
6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.10.2023).

*Л. Ю. Железова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. *В. А. Толстик*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

В настоящее время в соответствии со ст. 14 Конституции РФ наше государство является светским, следовательно, никакая религия не может быть установлена в качестве обязательной, а любые религиозные организации отделены от государства. Если говорить о более ранних исторических периодах, то можно утверждать о достаточно значительном влиянии Церкви на нашу правовую систему и государство в целом.

В современном мире такое понятие, как «церковное право», кажется для многих устаревшим и потерявшим актуальность, и причиной тому, на наш взгляд, является длительный исторический период, в который Церковь и ее учения старались всячески уничтожить в сознании людей посредством проведения явной антирелигиозной политики и атеистического воспитания. Это было необходимо в связи с тем, что религия в соответствии с марксистской идеологией рассматривалась как препятствие на пути построения коммунистического общества [1].

В дальнейшем, несмотря на то, что данная политика завершилась, и сегодня Конституцией РФ гарантируется свобода вероисповедания, мало кто считает церковное право темой, заслуживающей внимания. По этой причине большинство работ по данной тематике являются богословскими, в то время как юридическому анализу сущности церковного права явно

уделяется недостаточное количество внимания. Основываясь на сказанном выше, мы считаем весьма актуальным рассмотреть сущность церковного права с точки зрения теории и истории права.

Изначально церковное право представляло на Руси особую правовую систему, пришедшую из Византийской империи и получившую у нас активное развитие. В результате церковное право стало регулировать не только вопросы церковной жизни и ее внутренний уклад, но и вопросы других отраслей права, а сама Церковь начала играть важную роль в жизни государства.

Доказательствами ранее выдвинутого тезиса могут послужить следующие факты:

во-первых, сам исторический процесс появления христианства на Руси, поскольку в качестве причин его принятия многие историки называют необходимость усиления статуса государства и укрепления княжеской власти [2]. Таким образом, становится понятным, что религиозные догмы того времени во многом помогали князьям обосновать свою власть (отсюда — весьма известное высказывание: «Один Бог — один правитель») и принимаемые ими решения;

во-вторых, процесс прихода к власти монарха: такой церковный обряд, как венчание на царство, долгое время оставался обязательным для наших иерархов;

в-третьих, анализируя источники права нашего государства на ранних исторических этапах, можно говорить о значительной роли церковного права в правовой системе нашего государства. Приведем в качестве примера следующие источники:

— Кормчая книга, сборник церковных и светских законов, которые являлись руководством при управлении Церковью;

— Церковный устав князя Владимира, который разграничили подведомственность дел между светскими и церковными судами, а также установил налог в пользу Церкви;

— Устав князя Ярослава, который подробно регламентировал, какие меры наказания могут применяться за нарушения,

предоставленные на рассмотрение церковному суду, а также закрепил возможность рассмотрения ряда преступлений совместно Церковью и светской властью;

— принятый Поместным Собором Русской Церкви и Земским собором Стоглав 1551 года, который регламентировал множество вопросов, связанных с семейным правом, а именно: требования, которые предъявлялись к вступающим в брак, процесс заключения брака, основания для расторжения брака. Стоглав 1551 года также затронул главные стороны церковной жизни.

Это далеко не исчерпывающий перечень источников церковного права, применяемых ранее на территории Руси, однако и их, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу, что церковное право занимало важное место в регулировании общественных отношений того времени.

Разобравшись с исторической значимостью церковного права для нашего государства, проанализируем данное понятия и попытаемся ответить на вопрос: что оно все-таки из себя представляет?

Во многих научных исследованиях церковное право употребляется вместе с термином «каноническое право», ввиду чего считаем необходимым разобраться, можно ли употреблять эти термины как синонимы или же все-таки в эти понятия вкладывается разный смысл. Данная проблема зародилась в связи с тем, что на Западе под каноническим правом было принято понимать совокупность всех норм, которые исходили от церкви, вне зависимости от того, в какую сферу отношений они регламентировали. Под церковным правом понималась совокупность норм, которые регламентировали только жизнь Церкви и ее внутренний уклад вне зависимости от субъекта нормотворчества. Иными словами, субъектом канонического права была только Церковь, а субъектами церковного права — как Церковь, так и государство. Предметом канонического права являлись как отношения внутри Церкви, так и гражданские отношения, а предметом церковного права — только отношения, напрямую связанные с жизнью Церкви.

В свою очередь, на Востоке ввиду того, что церковное право находилось в тесной взаимосвязи с государственными законами и было зависимо от них, такого четкого разграничения между понятиями «каноническое право» и «церковное право» не существовало [3, 134–143].

Говоря о Православной Церкви, отметим, что, по мнению русского канониста Н. С. Суворова, деление права Церкви на каноническое и церковное приемлемо, поскольку «...церковные отношения как в Церквях восточного Православия, так и на Западе только отчасти определяются каноническим правом, главным же образом определяются нормами позднейшего происхождения, как церковного, так и государственного» [4]. По нашему мнению, весьма важно разграничивать эти два понятия, и в рамках канонического права рассматривать источники, подпадающие под термин «канон».

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля к ранее указанному термину относятся установление Апостолов, а также Вселенских и Поместных соборов.

В соответствии с Толковым словарем русского языка С. И. Ожегова канон представляет собой непреложное положение какого-либо учения или направления. Таким образом, по нашему мнению, к каноническому праву следует относить те нормы, которые являются обязательными для всех и обладают общечерковным авторитетом.

Обращаясь к труду протоиерея Владислава Цыпина «Курс церковного права», к таковым можно отнести Правила святых Апостолов, каноны шести Вселенский и десяти Поместных Соборов и правила тринадцати отцов.

К церковному праву мы предлагаем относить все иные нормы, регулирующие церковную жизнь, которые издаются как самой Церковью, так и государством. Разграничив такие понятия, как «церковное право» и «каноническое право», зададимся весьма интересным с юридической точки зрения вопросом: насколько уместно использовать термин «право», говоря о нормах, регулирующих жизнь Церкви?

Как мы утверждали ранее, жизнь Церкви регулируется как нормами, которые издает государство, так и сама Церковь. Конечно, можно говорить еще и о Божественном праве, но это скорее тема отдельного исследования.

Право с точки зрения теории можно определить как систему общеобязательных формально-определеных правил поведения, установленных и гарантированных государством. Таким образом, термин «церковное право» мы можем употреблять только в том случае, когда речь идет о нормах, принятых государством и регулирующих церковные отношения. Что же касается нормотворчества самой Церкви, то это вопрос дискуссионный.

Весьма интересным кажется вопрос относительно возможности наличия противоречий между нормами, принимаемыми Церковью, и НПА. Так, в Конституции РФ четко регламентировано, посредством каких судопроизводств осуществляется судебная власть в РФ. При этом в Уставе Русской Православной Церкви целая глава посвящена Церковному суду, в которой установлено, что судебная власть в Русской Православной Церкви осуществляется посредством церковного судопроизводства, что, в свою очередь, не предусмотрено Конституцией РФ. Таким образом, возникает вопрос: если Конституцией РФ не предусмотрено осуществление судебной власти посредством церковного судопроизводства, то насколько правомерно закрепление церковного судопроизводства в ходе нормотворчества Церкви, ведь в соответствии с ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ ««О свободе совести и о религиозных объединениях» [5], несмотря на то, что религиозные организации обладают возможностью иметь свои внутренние установления, они не могут противоречить законодательству РФ.

С другой стороны, исходя из духовной литературы, следует, что в самом учении Спасителя и апостолов, изложенном в Священном Писании Нового Завета говорится о церковном суде, и, соответственно, существование церковного суда читается и защищается верующими как обязательная для исполнения догма.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: во-первых, поскольку церковное право неразрывно связано с историей развития нашего государства, то изучение его основ становится обязательным элементом, необходимым для понимания истории нашей страны, а также становления правовой системы;

во-вторых, церковное право не является сугубо богословской дисциплиной, поскольку данная тема весьма актуальна и для юриспруденции;

в-третьих, проведя сравнительно небольшой анализ положений церковного права, нам удалось выявить, что, несмотря на длительный период его формирования и активного изучения, в церковном праве имеются проблемные вопросы, требующие скорейшего рассмотрения и разрешения.

Примечания

1. Сухов А. Д. Марксистская трактовка религии // Философия и общество. 2014. № 3 (75). С. 49–66.
2. Шитъко В. В., Григорьев С. С. К вопросу о принятии христианства на Руси // Победа в Великой Отечественной войне как исторический феномен и мировоззренческий ориентир: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск. 2020. С. 85–90.
3. Дорская А. А. Церковное право как предмет научной дискуссии: основные направления изучения церковноправовых вопросов в постсоветский период // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 134–143.
4. Суворов Н. С. Учебник церковного права [Электронный ресурс] // Азбука веры: православный портал. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/uchebnik-tserkovnogo-prava/ (дата обращения: 10.10.2023).
5. О свободе совести и о религиозных объединениях: ФЗ РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

М. С. Кузнецов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. *М. П. Поляков*

**ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОЦЕНКУ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Анализируя отечественную эмпирическую базу исследований, посвященную формальной теории оценки доказательств, автор отмечает широкую негативную позицию отдельной части научного сообщества в отношении процессуальной состоятельности формальной теории оценки доказательств. Так, в советской уголовно-процессуальной доктрине о рассматриваемой доказательственной теории говорили с позиции резкого отрицания или с позиции определенного замалчивания.

О несостоятельности формальной теории оценки доказательств высказывались многие заслуженные исследователи: Ж. Беко [1, с. 230], К. Маркс [2, с. 690], М. С. Строгович [3, с. 310–311], И. Я. Фойницкий [4, с. 186–187], А. Я. Вышинский [5, с. 63], Л. Е. Владимиров [6, с. 54–55], А. Ф. Кони [7, с. 26] и др. Несомненно, позиция каждого из этих ученых подкреплена своей неповторимой научной аргументацией, которая заслуживает подробного исследования.

В монографии «Теория доказательств в советском уголовном судопроизводстве» (под ред. Н. В. Жогина) теория формальной оценки доказательств не исследуется [8].

Сложившейся подход исследователей, по нашему мнению, переходит уже в разряд некой обыденности и в отдельных проявлениях встречается и в современной уголовно-процессуальной доктрине. Как правило, аргументы современных авторов во многом соотносятся с прошлой позицией советских процессуалистов и разделяют мнение, что формальная теория оценки доказательств игнорирует широкий контекст и содержание уголовно-процессуальных доказательств, упрощая их до абстрактной формулы или символического представления.

Непосредственно уход от продиктованной отдельными учеными позиции отрицания к исследованию действительной сущности и юридико-технических достижений формальной теории оценки доказательств сможет обеспечить беспристрастное изучение и выявление положительного опыта данной теории.

Указанный подход был выбран неслучайно, так как в современной уголовно-процессуальной доктрине возможно обнаружить позиции авторитетных авторов, констатирующие подобную необходимость в «экsgумации» данной теории и исследовании ее с ранее упомянутой технико-юридической позиции.

Автор поддерживает мнение Л. В. Головко в том, что «...вокруг теории формальных доказательств, всегда было много мифов – уже 150 лет в России в ней видят исключительно некое зло, что не всегда правильно, ибо в условиях инквизиционного процесса формализация законодателем оценки доказательств (в цивилизованных, разумеется, формах) есть напротив, немалая гарантия прав личности...» [9, с. 7].

Исходя из правопреемства уголовно-процессуальных норм отечественного законодательства, отдельные институты уголовного судопроизводства, несомненно, перешли и в действующий УПК РФ. Несмотря на критику формальной теории оценки доказательств, переходящую в разряд отрицания, ее законодательное развитие оказало положительное влияние на развитие отдельных действующих на данный момент институтов уголовного судопроизводства, так как она возглавля-

ла розыскной процесс в нашем законодательстве и соотносилась с ним исторически и концептуально.

Современные ученые уже не отрицают позицию присутствия в нашем законодательстве розыскных начал. Например, А. К. Аверченко заявляет: «Розыскные черты сохранились в досудебном производстве и по принятии Устава Уголовного судопроизводства 1864 года, и существуют они и в настоящее время» [10, с. 6–7].

В дополнение к сказанному автор желает привести позицию заслуженного ученого В. К. Случевского: «Нельзя найти ни одного процессуального института, который не хранил бы на себе следа своего происхождения и который бы определился в законодательных постановлениях вполне в законченных формах, не пережив перед тем многих моментов своего развития и не отразив на них следов борьбы с замененными им формами и осиленными им традициями» [11, с. 36]. Данный тезис особенно актуален в отношении генезиса формальной теории оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве.

Многие уголовно-процессуальные институты дореформенного уголовного судопроизводства, перейдя через преемственность уголовно-процессуальных норм, перешли в действующий УПК РФ, безусловно подвергнувшись значительным изменениям, но в конечном счете не изменив свою сущность.

Согласно воззрениям ранее упомянутого ученого Л. В. Головко, именно дореформенный уголовный процесс, основанный на законном подходе к оценке доказательств, «передал» действующему уголовному судопроизводству целый перечень уголовно-процессуальных институтов [9, с. 9].

По мнению автора, пришло время для настоящего воссоединения исторических поколений уголовного процесса в части устранения одиозного отношения к формальной теории оценки доказательств. Для разрешения данной задачи исследования необходимо обратиться не только к научной аргументации критиков формальной теории оценки доказательств, но

и рассмотреть замыслы, с которыми они приступали к данным научным изысканиям [12].

Продиктованный выше подход, устраниющий, по мнению автора, своего рода «идеологическую пленку», может помочь ответить на вопрос о состоятельности модели формальной теории оценки доказательств в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Именно продиктованный опытом формальной теории оценки доказательств, возможно превратившийся в настоящем в определенную «мыслительную схему», по-прежнему воздействующую не только на досудебные стадии уголовного судопроизводства, но и на сам процесс принятия судьей итоговых решений.

По мнению автора, исторический вклад исследуемой модели оценки доказательств на пути совершенствования уголовного судопроизводства в нашем государстве должен рассматриваться исключительно с положительной точки зрения, несмотря на то, что анализируемая доказательственная модель была во многом сосредоточена на «формальной корректности» и логической структуре построения норм силе доказательств. Именно ее выработанный уголовно-процессуальный механизм или подход, который родился из достижений уголовно-процессуальной науки того времени, был способен на протяжении веков производить формальную истину, так как главные задачи, формальной теории оценки доказательств в виде исключения судебского произвола и создания оптимальной модели уголовного судопроизводства не решены и на сегодняшний день, а перешли лишь в другую законодательную форму.

Изучение рассматриваемой доказательственной теории выступает не модой и не тенденцией, а имеет реальную практическую ценность для современного уголовного процесса.

Примечания

1. *Беко Ж.* Организация уголовной юстиции в главнейшие исторические эпохи. Санкт-Петербург, 1867. 320 с.

2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. Москва, 1937. 854 с.
3. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 тт. Т. 1. Москва, 1968. 470 с.
4. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 тт. Т. 2. Санкт-Петербург, 1996. 607 с.
5. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. Москва, 1946. 248 с.
6. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. 3-е изд. Тула, 2000. 462 с.
7. *Кони А. Ф.* Избранные труды и речи / сост. И. Потапчик. Тула, 2000. 638 с.
8. *Жогин Н. В.* Теория доказательств в советском уголовном судопроизводстве. Ч. 1. 2-е изд. испр. и доп. Москва, 1973. 584 с.
9. *Головко Л. В.* Великая реформа. К 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головко. Москва, 2014. 544 с.
10. *Аверченко А. К.* Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы) // Новый ракурс. 2014. № 9–1. 12 с.
11. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург, 1913. 670 с.
12. Лозунг Нижегородской школы процессуалистов: «Не идите по следам древних, но ищите то, что искали они».

**Ю. Н. Левина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России**

Научный руководитель —
канд. юрид. наук *А. Ю. Афанасьев*

СПЕЦИФИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления в сфере экономической деятельности являются уголовно-правовым институтом, который в современных условиях подвергается быстрым изменениям. Преступления, совершаемые в рамках экономической деятельности, представляют особую опасность, поскольку используют новые средства, недоступные криминалистам еще несколько лет назад. Такие преступления стремятся охватить различные сферы экономики, ранее не считавшиеся криминогенными. Ежегодно они наносят огромный материальный ущерб государству. Вместе с тем совершенствуются способы противодействия доказыванию по уголовным делам данного вида преступлений, что делает и так сложные в выявлении и расследовании преступления еще более опасными для общества и государства.

Преступления в сфере экономической деятельности имеют серьезные последствия для экономических отношений: они наносят ущерб не только финансовому состоянию участников хозяйственной деятельности, но и нарушают стабильность экономики в целом.

Исследования показывают, что преступность, связанная с экономической деятельностью, является одной из самых распространенных и активно развивающихся форм преступности в РФ.

В связи с этим мы считаем, что для дальнейшего рассмотрения проблем противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности появляется необходимость определить специфику данных преступлений. Рассмотрим ее подробнее.

Во-первых, сфера экономики весьма обширна и трудна при выявлении и расследования преступлений, в ней совершающихся. Экономическая преступность неоднородна, многие действия регулируются отдельной отраслью права. Преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ, помимо уголовного, затрагивают гражданское, административное, финансовое, торговое и иные виды права, то есть данные преступления проникли во все сегменты экономики. Таким образом, выявление и преодоление противодействия доказывания по ним требуют от органов дознания, следствия и суда не только обширных юридических знаний, но и как минимум основ экономики.

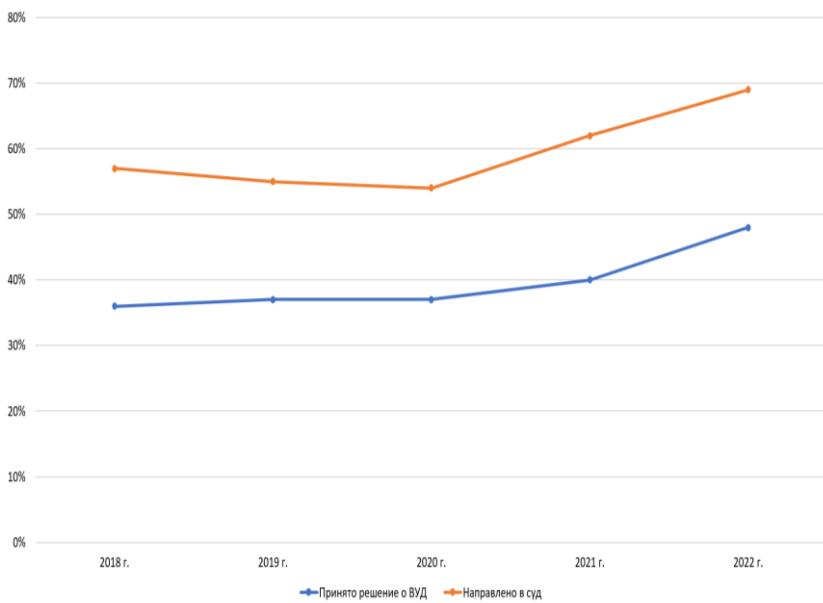
Во-вторых, преступления в сфере экономической деятельности высоколатентны. Согласно официальной статистике МВД России, ежегодно в суд направляют порядка 8 тыс. уголовных дел по преступлениям в сфере экономики. Но даже эти данные в полной мере не отражают настоящую картину: реальное количество преступлений, которые были совершены, мы можем только предполагать, так как выявить и расследовать их чрезвычайно сложно, в том числе по причине противодействия доказыванию со стороны субъектов. Это демонстрирует следующая статистика.

В 2022 году только по 48 % зарегистрированным преступлениям в сфере экономической деятельности было принято решение о возбуждении уголовного дела (для сравнения: в 2021 г. — 40 %; 2020 г. — 37 %; 2019 г. — 37 %; 2018 г. — 36 %), из которых направлено в суд 69 % (для сравнения: в 2021 г. — 62 %; 2020 г. — 54 %; 2019 г. — 55 %; 2018 г. — 57 %) [1]. Наглядно это представлено на диаграмме (см. рисунок).

Видно, что темпы роста преступлений в сфере экономической деятельности значительно превышают скорость их выяв-

ления и расследования, что напрямую связано с неполнотой регистрации данного типа преступлений. В первую очередь это обусловлено отсутствием заинтересованных лиц, которые помогли бы выявить и привлечь к ответственности экономических преступников.

Фактические потерпевшие — граждане — не всегда осознают, что становятся жертвами преступлений в сфере экономической деятельности. Государство, несмотря на свои усилия, далеко не всегда способно эффективно выявлять и регистрировать все преступления в этой сфере.

Количество преступлений в сфере экономической деятельности, 2018–2022 гг.

В-третьих, преступления в сфере экономики неразрывно связаны с общеуголовными преступлениями, организованной и коррупционной преступностью. В РФ увеличению количества преступлений в сфере экономической деятельности спо-

существует тесная связь предпринимательского сектора, политической элиты, государственных служащих и организованной преступности.

Экономические и коррупционные преступления нередко имеют общие мотивы. Бизнес, который любой ценой добивается получения максимальной прибыли, в том числе с использованием незаконных методов, фактически содействует увеличению количества коррупционных преступлений среди государственных служащих, которые тоже стремятся обогатиться или приобрести иную выгоду, нарушив закон.

Преступления в сфере экономической деятельности также часто связаны с организованной преступностью. Несмотря на то, что не все преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ [2], совершаются организованными преступными группами, эти явления часто переплетаются между собой. В связи с этим при совершении данного вида преступлений субъекты заранее продумывают способы противодействия. Они характеризуются высоким уровнем организованности, четким распределением ролей и установлением жесткой иерархии. Противодействие замаскировано, а коррупционные связи с органами государственной власти обеспечивают безопасность при совершении преступлений, что также является непосредственно спецификой данных преступлений.

В-четвертых, тесная взаимосвязь преступлений в сфере экономической деятельности и теневой экономики. На ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России Президент РФ В. В. Путин обратил внимание на то, что правоохранительные органы «...должны и впредь <...> держать в поле зрения то, что происходит в экономической сфере, жестко пресекать правонарушения, использование незаконных теневых схем» [3].

По мнению М. В. Головко, теневая экономика — это сфера экономической деятельности, осуществляемая вопреки действующему законодательству, и включающая в себя нелегальные хозяйствственные операции, которые «подпитывают» преступления [4, с. 36–43]. Фактически теневой сектор экономики

является основным источником преступлений в сфере экономической деятельности.

В-пятых, специфична личность экономического преступника. Чаще всего преступления в сфере экономики совершаются лицами интеллектуально развитыми, имеющими высокий образовательный уровень и профессиональную подготовку (существенная доля лиц, совершающих преступления, имеют высшее профессиональное образование). Они готовы идти на значительный риск ради достижения своих целей, нередко совершают преступления в сфере экономической деятельности организованной группой [5].

Причины преступного поведения субъектов не сводятся только к корысти, как считают многие. Их мотивация намного сложнее и основана на экзистенциальной дилеме целей, которая проявляется в том, что человек, совершая преступление в сфере экономической деятельности, старается выполнить следующие задачи: стремится занять высокие личные позиции в экономической деятельности, добиться престижного социального статуса в обществе и укрепить уже достигнутое положение в элитном социальном круге (в конкретной высокой социальной группе).

Таким образом, специфика рассматриваемого вида преступлений заключается в обширности сферы экономики, которая регулирует общественные отношения, нарушающиеся данным видом преступления; неоднородности экономической преступности, многие действия которой регулируются отдельной отраслью права; высокой латентностью преступлений в сфере экономической деятельности; взаимосвязью с общеуголовными преступлениями, организованной и коррупционной преступностью; взаимосвязью с теневой экономикой; непосредственно личностью экономического преступника.

Примечания

1. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офици-

альный сайт. URL: <https://mvd.ru/reports> (дата обращения: 15.09.2023).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

3. Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 15.09.2023).

4. Головко М. В. К вопросу о способах оценки детерминантов теневой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 33. С.36–43.

5. Казакевич С. М. Криминологический портрет лица, совершающего экономические преступления [Электронный ресурс] // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-portret-litsa-sovershayushego-ekonomicheskie-prestupleniya> (дата обращения: 15.09.2023).

*Ю. С. Макарова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доц. *Д. В. Назарычев*

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОВЕРКИ ОБОСНОВАННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ

Налоговые льготы — это предоставленные преимущества определенным категориям налогоплательщиков, которые предусматривают сокращение налоговой базы либо уменьшение налоговых ставок. Основными целями введения льгот являются стимулирование перспективных направлений экономики и поддержка социально уязвимых слоев населения.

Согласно прогнозам Счетной палаты РФ, объем предоставленных налоговых льгот в 2023 г. составит 8,3 трлн рублей; в 2024 г. — 8,9 трлн рублей; в 2025 г. — 9,6 трлн рублей. Данные суммы составляют около 30 % от дохода бюджета соответствующего года, поэтому подвергаются контролю [1].

Существуют несколько способов контроля обоснованности применения налоговых льгот. Традиционным выступают камеральные налоговые проверки (далее — КНП) и выездные налоговые проверки (далее — ВНП), основными отличиями которых являются:

— место проведения: КНП проводится по месту нахождения налогового органа; ВНП — по месту нахождения налогоплательщика;

— плановость: КНП проводится на регулярной основе; ВНП — по графику, основаны на риск-ориентированном подходе;

— объем проверки: КНП охватывает только ту информацию, которая была предоставлена в налоговой декларации; ВНП может проверить любой аспект деятельности налогоплательщика за определенный период;

— продолжительность проверки: КНП — 3 месяца со дня предоставления налоговой декларации; ВНП — 2 месяца [2].

Рассмотрим статистические данные по проведенным камеральным и выездным налоговым проверкам в Нижегородской области за период 2018–2022 гг. В таблице 1 указано количество проведенных проверок, суммы доначисленных налогов, налоговых санкций и пений по каждому виду проверки и темпы прироста каждого показателя цепным методом [3].

Таблица 1

**Статистические данные
по проведенным камеральным и выездным налоговым
проверкам в Нижегородской области**

	2018	2019	2020	2021	2022
Камеральная налоговая проверка					
Количество проведенных КНП	1 612 495	1 480 483	1 359 450	1 376 995	1 224 439
Темп прироста, %	—	-8,9	-8,9	1,3	-12,5
Дополнительно начислено налогов в результате проведенных КНП, рублей	540 839	313 608	396 259	848 299	1 184 392
Темп прироста, %	—	-72,5	20,9	53,3	28,4

Окончание табл. 1

	2018	2019	2020	2021	2022
Дополни- тельно начислено налоговых санкций и пений, <i>рублей</i>	291 957	230 757	280 351	295 104	260 865
Темп прироста, %	—	-26,5	17,7	5,0	-13,1
Выездная налоговая проверка					
Количество проведенных ВНП	479	295	104	82	147
Темп прироста, %	—	-62,4	-183,7	-26,8	44,2
Дополни- тельно начислено налогов в результате проведенных ВНП, <i>рублей</i>	3 894 152	1 811 642	2 252 849	5 024 424	8 499 488
Темп прироста, %	—	-115,0	19,6	55,2	40,9
Дополни- тельно начислено налоговых санкций и пений, <i>рублей</i>	1 298 077	787 573	1 000 063	2 290 387	4 328 360
Темп прироста, %	—	-64,8	21,2	56,3	47,1

За 2018–2022 годы в Нижегородской области по двум видам налоговых проверок складывается следующая ситуация: в 2022 г. (по сравнению с 2018 г.) произошло снижение количества проводимых КНП и ВНП, но увеличение сумм доначислений, особенно по налоговым платежам, которое составило 218 % по каждому виду проверки. Это можно объяснить тем, что Федеральная налоговая служба сокращает количество проверок и переходит к риск-ориентированному подходу, то есть к проведению предпроверочного анализа и контрольно-побудительной работе. Подобные действия должны мотивировать налогоплательщиков к добровольной уплате налогов и сборов.

Полностью отказаться от проведения налоговых проверок не получится, ведь именно в процессе их проведения можно увидеть незаконность применения налоговых льгот и других нарушений [4]. Произведем расчет (табл. 2).

Таблица 2
Расчет

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Общая сумма задолженности, тыс. рублей [5]	9 639,9	13 131,8	17 418,3	13 069,1	12 716,1	24 978,9	—	—
Общая сумма доначислений, тыс. рублей	—	—	—	6 025,1	3 143,6	8 458,2	28 219,6	14 273,1
% суммы доначислений в общей задолженности (за 3 предыдущих периода)	—	—	—	15	7	9	17	22

Данные из таблицы (сумму дополнительно начисленных налогов, налоговых санкций и пений) необходимо сравнить с суммой задолженности за предыдущий период (три отчетных периода до проведения налоговой проверки), тем самым получим процент доначисленных налогов, санкций и пений от общей суммы задолженности за три предыдущих периода, в которых могла быть произведена налоговая проверка, то есть будет рассчитан показатель эффективности проведения налоговых проверок.

Пример расчета для 2022 г.:

$$\begin{aligned} \%_{2022} &= (\text{Общая сумма доначислений за 2022 г.} / \\ &/ \text{Общая сумма задолженности за 2019, 2020, 2021 гг.}) \cdot 100 \% = \\ &= (14\ 273,1 / (12\ 716,1 + 24\ 978,9 + 28\ 219,6)) \cdot 100 \% = 22 \% . \end{aligned}$$

Таким образом, в результате проведенных налоговых проверок было возмещено в бюджет государство в 2018 г. — 15 %; 2019 г. — 7 %; 2020 г. — 9 %; 2021 г. — 17 %; 2022 г. — 22 %. Это значительные суммы, которые позволят бюджету региона направить их на приоритетные направления развития экономики.

Сумма налоговых льгот не отражается в бюджете, но с 2019 г. необходимо производить оценку налоговых расходов бюджета — утраченных доходов бюджета в связи с предоставлением налоговых преференций и освобождений, которая должна выявлять эффективные и неэффективные налоговые льготы и тем самым обеспечивать защиту от угрозы экономической безопасности — несбалансированность бюджетной системы.

Оценка эффективности налоговых расходов также может выступать инструментом проверки обоснованности применения налоговых льгот, но только со стороны бюджетной эффективности: если при проведении оценки, которая проводится за 5-летний период, льготой не воспользовался ни один налогоплательщик, то она считается неэффективной, то есть не приносит дополнительные налоговые отчисления в бюджет и ее необходимо отменить. Это касается в основном стимулирую-

щих налоговых расходов, а не технических и социальных, однако долгое неиспользование льготы является сигналом для переработки преференций, чтобы она соответствовала политики налогового куратора.

Таким образом, в работе было рассмотрено два вида инструментов проверки обоснованности применения налоговых льгот: первый — это налоговые проверки, с помощью которых в случае неправильного применения налоговой льготы доначисляются налоги; второй — оценка эффективности применения налоговых расходов. Данные инструменты способствуют пресечению угрозы экономической безопасности: несбалансированность бюджетной системы.

Примечания

1. Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2023).
2. *Назарычев Д. В.* Характеристика методики осуществления налогового контроля в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 255.
3. Сведения о проведении камеральных и выездных проверок (форма № 2-НК) [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: <https://nalog.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2023).
4. *Эриашвили Н. Д., Софын А. А., Назарычев Д. В.* Налоговый мониторинг как способ обеспечения экономической безопасности // На страже экономики. 2020. № 3 (14). С. 87–91.
5. Отчет о задолженности по налогам и сборам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации (форма № 4-НМ) [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: <https://nalog.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2023).

*И. С. Николаев,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. А. Ю. Чупрова

**ПЕРМАНЕНТНЫЙ РИСУНОК (ТАТУИРОВКА)
КАК ПРИЗНАК СТАТУСА ЛИЦА,
ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ**

В составах преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» и ст. 210¹ «Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии» УК РФ ключевым обстоятельством, подлежащим доказыванию, является подтверждение криминального статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

В ходе изучения обвинительных заключений и судебных решений С. В. Кондратюк приходит к выводу, что высшим положением в преступной иерархии в большинстве случаев (57 %) обладает лицо, которому присвоен статус «вор в законе» [1, с. 19].

В качестве подтверждения данного положения лица в преступном табели о рангах могут выступать показания подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, сотрудников правоохранительных органов (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы системы наказания и т. п.), переписка между членами преступного сообщества (так называемые «прогоны»), а также признаки криминальной субкультуры, присущие именно представителям так называемой элиты преступного мира.

Выделим три основные элемента криминальной субкультуры:

1) нормативный (система неписанных социальных норм — ценностей и представлений в сознании людей, которая оправдывает и поощряет преступный образ жизни и совершение правонарушений);

2) иерархический (разделение преступников на виды, категории, а также система взаимоотношений между ними);

3) коммуникативный (зашифрованные средства обмена информацией между членами группировки) [2, с. 19].

В результате изучения обвинительных заключений по уголовным делам, возбужденным по ст. 210¹ УК РФ, основными коммуникативными признаками принадлежности к высшей категории в преступной иерархии могут выступать особенности поведения (властный, самоуверенный стиль в общении, жестах, мимике, криминальный круг общения), а также наличие определенных вещей (четки, нарды, карты, продукты для передачи в места лишения свободы («грев»)), кличек, специфического языка (жаргона), татуировок.

В целях введения правоохранительных органов и суда в заблуждение в части, касающейся отсутствия у лица высокого преступного статуса, отдельные элементы криминальной субкультуры возможно в довольно короткие временные промежутки уничтожить либо скрыть. Так, вор в законе при даче показаний может не использовать обороты речи, присущие представителям преступной среды, отрицать наличие клички и в целом вести себя как законопослушный гражданин, при этом удаление (сведение) со своего тела наколок весьма проблематично в силу перманентности (стойкости) указанного атрибута.

В Большой советской энциклопедии под татуировкой понимается нанесение на тело рисунков путем введения под кожу красящих веществ [3]. На определенных этапах развития общества татуировки выполняли различные функции. Так, при первобытнообщинном строе они были не только средством украшения, но и знаком племени, рода, тотема, социальной

принадлежности. Татуировка служила и способом испытания выносливости при посвящении юношей во взрослые мужчины и знаком магической защиты от злых духов. Татуировки могли использоваться как для повышения статуса личности, так и его понижения (клеймение).

Татуирование было распространено у народов со светлой кожей, у темнокожих оно заменялось рубцеванием [3].

Способы нанесения татуировок были весьма различными. Так, народы, населявшие Юго-Восточную Азию, а также индейцы Северной и Южной Америки накалывали рисунки иглой и молоточком (так называемая наколка); в Северо-Восточной Азии кожу прошивали иглой с ниткой, пропитанной краской (нитку впоследствии удаляли).

В Европу обычай нанесения татуировок на тело был введен моряками из Азии.

В XIX веке в США и Италии татуировки широко использовались среди военных как символ мужества и для опознания солдат в случае гибели.

Постепенно традиция нанесения на тело татуировок пришла и в криминальную среду, став одним из ее основных атрибутов.

На рубеже XIX–XX вв. татуировка становится популярным и дорогим увлечением аристократии всего мира [4], однако маргинальность данного явления превалирует вплоть до настоящего времени. В целом отношение к татуировкам в обществе остается негативным, а их носитель в понимании людей бросает вызов окружающим.

В Советском Союзе (далее — СССР) татуировки были распространены в тюремной среде и среди военнослужащих.

Криминальные татуировки можно классифицировать по характеру содержащейся в них информации.

1. Иерархические, свидетельствуют о месте и статусе владельца татуировки в преступной среде. Например, в СССР принадлежность к ворам в законе обозначалась татуировкой, изображающей сердце, пронзенное кинжалом, причем другие преступники не могли носить указанный знак под страхом

смерти [5, с. 109]. В настоящее время воры в законе после получения указанного титула имеют исключительное право нанесения на свое тело следующих пиктографических рисунков: изображение римского (греческого) воина; распятого на кресте Иисуса Христа; орла и трех корон на щите; восьмиконечной звезды и т. д.

2. Личностные, указывают на его биографические данные, его отношение к обществу, правоохранительным органам, а также наличие каких-либо наклонностей:

- татуировка в виде звонка свидетельствует, что ее владелец отбыл весь срок лишения свободы;
- надпись «Лучше в ад идти со смехом, чем плестись со страхом в рай» характеризует отношение данного лица в целом к жизни, указывая в качестве приоритета получение удовольствия, пусть и незаконным путем, не боясь наказания;
- звериный оскал означает ненависть по отношению к власти и готовность насильственного противодействия ей.

3. Опознавательные, указывают на принадлежность лица к криминальной среде, преступной группе и т. п., например, «жук в паутине» означает преступную специализацию лица как вора-карманника.

4. Тюремные, означают, что носитель отбывал наказание в местах лишения свободы и указывают на знание и соблюдение им криминальной субкультуры:

- крестик на кисти свидетельствует об отбывании наказания в исправительном учреждении, также встречаются аббревиатуры данных учреждений;
- изображение церкви с куполами свидетельствует о том, сколько раз лицо отбывало наказание в местах лишения свободы (по количеству куполов).

5. Памятные, наносятся для фиксации каких-либо значимых в жизни событий.

Стилистика татуировок достаточно консервативна, однако также изменяется в зависимости от новых тенденций в обществе. В советский период истории прослеживалась политическая тематика криминальных татуировок с явным антикомму-

нистическим акцентом. После распада СССР превалировала религиозная направленность.

В настоящее время появились новые тенденции в изображении татуировок: популярны надписи на иностранных языках (в том числе крылатые фразы на латыни), придается значение нумерологии (использование римских цифр, каждая из которых имеет определенный «магический» смысл).

По результатам анализа видов татуировок выделим их основные функции.

1. Иерархическая, фиксирует статус личности преступника в преступной иерархии. При этом он не является незыблым: в случае его изменения (как в сторону повышения, так и понижения) происходят соответствующие корректировки татуировок.

2. Коммуникативно-информационная: татуировки являются средством общения и обмена информацией, сообщают окружающим сведения о носителе татуировки, его прошлом, являются своеобразным паспортом лица. С помощью татуировок рецидивисты распознавали друг друга [5, с. 109];

3. Регулирующая, передает определенные социальные установки и мысли, тем самым влияя на деятельность иных лиц, в том числе за счет устрашающего и подавляющего характера отдельных татуировок;

4. Пропагандистская, выражает отношение лица к криминальной субкультуре и распространяет ее негативное влияние в обществе.

По нашему мнению, наличие пиктографических рисунков на теле подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам, возбужденным по ч. 4 ст. 210 и 210¹ УК РФ, является одним из оснований установления занимаемого высшего положения лица в преступной иерархии. В данном вопросе присутствуют определенные сложности, связанные с отсутствием нормативного закрепления смысла татуировок. В наличии оперативных сотрудников имеются лишь справочники и каталоги, составляемые в ходе практической деятельности. В условиях неопределенности значения татуировок в своих показаниях носители

татуировок, противодействуя правоохранительным органам и уходя от ответственности, вводят непосвященных лиц в заблуждение, отрицая истинный смысл рисунков. Так, зачастую изображению храмов и крестов воры в законе приписывают исключительно религиозный подтекст, выражющий их отношение к вере.

При доказывании по данной категории дел широко используются судебно-лингвистические экспертизы, а также привлекаются специалисты юридической и лингвистической направленности, имеющие достаточный опыт и знания по рассматриваемому вопросу.

Особо отметим, что лица, не обладающие определенным криминальным статусом, не имеют права наносить воровские татуировки. В случае нанесения татуировок в нарушение криминальных обычаяв «незаконную» татуировку могут удалить принудительно.

Нанесению татуировок криминального характера предшествуют соответствующие процедуры, установленные правилами криминальной субкультуры. В составе преступной нормы, кроме диспозиции (то есть описания поведения), присутствует и санкция за нарушение требований. Стабильность существования института «вор в законе» основана в первую очередь на принципе неотвратимости наказания и его жестокости.

Нельзя забывать о достаточно болезненном характере как нанесения татуировок, так и их сведения. Для удаления татуировок могут применяться различные методы:

- хирургический (срезание участков кожи, наложение швов или пересадка кожи);
- лазерный (использование светового ножа);
- химический (нанесение на кожу химических веществ, вызывающих омертвление ткани с образованием рубца);
- шлифования кожи наждачной бумагой, кристаллами поваренной соли и т. п.

В настоящее время определенные разногласия в данный вопрос вносит и популяризация в РФ татуировок, которые стали полноправным явлением массовой культуры и отдельным

видом искусства. В данных обстоятельствах неизбежно смешение гражданских и тюремных татуировок.

Обладателями пиктографических рисунков на теле могут быть мужчины и женщины, представители различных профессий — татуировки стали способом самовыражения и демонстрации индивидуальности. Эта тенденция преимущественно затронула молодежь. Татуировки в основном наносятся на открытые участки тела.

Приверженцы криминальной субкультуры добровольно демонстрируют нательные рисунки либо в местах лишения свободы, чтобы заявить о своем статусе и иметь более привилегированное положение, либо в кругу своей социальной группы.

Таким образом, несмотря на имеющие сложности, при изучении татуировок на теле подозреваемых (обвиняемых) эксперты имеют возможность отнести данные рисунки к криминальной субкультуре, а носителя татуировок — к обладателю определенного статуса в криминальной иерархии.

Для правоохранительных органов особый интерес представляет информация, зашифрованная в татуировках: разъяснение их содержания способствует борьбе с организованной преступностью в целом, и противодействию лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в частности.

Примечания

1. Кондратюк С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022.

2. Старков О. В. Криминальная субкультура: спецкурс. Москва, 2010.

3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Татуировка> (дата обращения: 27.10.2023).

4. Руденко И. Н. Татуировки в преступном мире и современной моде [Электронный ресурс] // Вестник магистратуры. 2018. № 1–2 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tatuirovki-v-prestupnom-mire-i-sovremennoy-mode> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Гуроев А. И. Красная мафия. Москва, 1995.

*A. O. Павлова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доц. *E. L. Шапошников*

**ПОНЯТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В настоящее время коррупция в РФ является одной из наиболее актуальных проблем. Особенность коррупционной преступности заключается во взаимном негативном проявлении преступного умысла как у взяткодателя, так и взяткополучателя. Несформированное антикоррупционное поведение российского общества определяет ежегодную регистрацию большого количества преступлений коррупционной направленности органами внутренних дел.

Преступления в сфере коррупции средств крайне негативно влияют на все сферы жизнедеятельности общества. Следствием коррупции являются формирование недоверия общества к органам власти, подрыв экономической структуры государства. Это представляет угрозу экономической безопасности. Вследствие этого происходят дестабилизация государственных процессов и работы органов власти, снижение уровня эффективности осуществления социальной политики государства и деятельности общества и т. д.

Понятие «коррупционная преступность» используется достаточно давно. Свою актуальность оно окончательно обрело с принятием ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Именно этот НПА определяет пути

снижения уровня коррупционной преступности. В указанном законе закреплено понятие «коррупция», под которым понимаются злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

В законодательном определении коррупции закреплено три основных признака:

во-первых, субъект коррупционного преступления занимает и использует служебное положение;

во-вторых, субъект коррупционного преступления извлекает из совершенного действия выгоду в различных формах;

в-третьих, субъект коррупционного преступления нарушает законные интересы общества и государства.

Отличительной особенностью коррупционной преступности в РФ является высокая подверженность этому явлению именно вертикали властных структур, которая в настоящее время имеет системный характер.

Индекс восприятия коррупции в государственном секторе отражает уровень ее восприятия обществом. Он появился в 1995 г. и последние десятилетия остается самой популярной и широко используемой оценкой коррупции во многих странах.

Российское законодательство тесно связано с источниками и нормами международного права, поэтому сложившееся в российской юридической науке понимание коррупционной преступности вполне соответствует международной трактовке данного термина. Например, в ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

ненных Наций от 17 декабря 1979 г., указано, что понятие коррупционного правонарушения должно определяться в соответствии с национальным правом: «Оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие» [2].

За последние пять лет индекс восприятия коррупции в РФ практически не изменяется: в 2018 г. он был равен 28; 2019 г. — 28; 2020 г. — 30; 2021 г. — 29; 2022 г. — 28 баллов.

Отсутствие значительного снижения уровня восприятия коррупции в РФ в его балльном значении говорит о том, что политика, направленная на снижение коррупции, недостаточно эффективна, а предупредительные действия не несут необходимого положительного результата для ее искоренения.

Президент РФ В. В. Путин постоянно акцентирует внимание на борьбе с коррупцией. На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России в 2022 г. он указал, что повышенное внимание как и прежде стоит уделять декриминализации экономики и борьбе с коррупцией. На аналогичном заседании в 2023 г. Президент отметил следующее: «В условиях санкционного давления, а главное, с учетом тех масштабных задач развития страны, регионов, всех отраслей промышленности, которые мы сейчас решаем, принципиальное значение имеют такие направления работы, как обеспечение экономической безопасности и борьба с коррупцией» [3].

Президентом РФ В. В. Путиным подписан указ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». В первую очередь Национальный план направлен на реализацию путем осуществления государственными органами, органами местного самоуправления, организациями мероприятий, направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию последствий коррупционных правонарушений по приоритетным направлениям деятельности [4].

На данный момент проблема коррупции в РФ является одной из главных. Это обусловлено тем, что должностные лица, находящиеся на государственное службе, зачастую активно используют свои полномочия для получения определенных благ для удовлетворения личных потребностей, поэтому все, что связано с коррупционными преступлениями, представляет реальную угрозу для российского общества.

Коррупция глубоко проникла на многие уровни государственной власти и в различные сферы хозяйственной деятельности, что значительно снижает эффективность законодательных программ, затрудняет культурное, социальное и экономическое развитие общества.

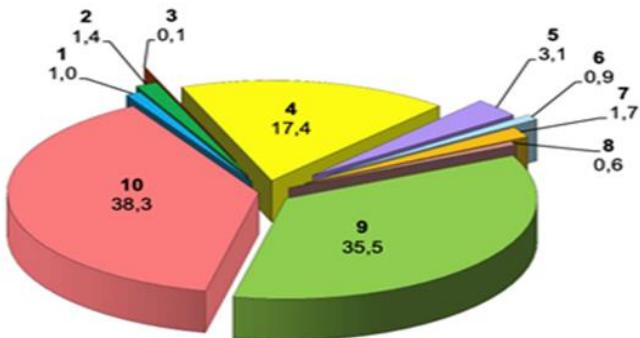
Перечислим наиболее частыми проявлениями коррупции в РФ:

- 1) незаконное участие в управлении коммерческими организациями;
- 2) осуществление предпринимательской деятельности служащими;
- 3) получение вознаграждения от физических лиц [5].

Статистика коррупционной преступности в РФ определяется исследованиями Главного информационно-аналитического центра МВД России.

Согласно проведенным исследованиям, в 2022 г. в общей сложности было совершено 35 340 преступлений коррупционной направленности. В общем числе совершенных преступлений в стране доля коррупционных составляет 10 %, что является достаточно высоким показателем (см. рис. 1).

Количество преступлений коррупционной направленности, совершенных по итогам 2021 г., составляет 35 051. Это говорит о том, что в 2022 г. прирост преступлений коррупционной направленности составил 14,8 %. Учитывая, что за последние пять лет количество таких преступлений варьируется между 30 и 35 тысячами, можно сделать вывод, что прирост в 14,8 % не является критичным, однако от этого он не перестает быть приростом.

- 1 - взяточничество
- 2 - убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование
- 3 - хулиганство
- 4 - мошенничество
- 5 - управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость
- 6 - нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств
- 7 - грабеж, разбой
- 8 - присвоение или растрата
- 9 - кража
- 10 - прочие

Рис. 1. Структура преступности, %

Наибольшую долю в коррупционной преступности занимают именно преступления, связанные со взяточничеством. В 2022 году только 19 490 преступлений было совершено именно в области взяточничества, что в очередной раз подтверждает приверженность именно государственных структур к такому виду преступлений. Это способствует тому, что доверие к органам государственной власти со стороны общества продолжает оставаться на достаточно низком уровне.

Взяточничество достаточно латентное преступление [6], поэтому высокая доля совершенных деяний не отражается в официальной статистике МВД России.

Таким образом, как было сказано выше, доля совершенных коррупционных преступлений в РФ в общем количестве совершенных преступлений составляет 10 %. Показатель коррупционных преступлений в последние годы варьируется от 30 000 до 35 000 преступлений в год, что является показателем отсутствия критических изменений в сфере предупреждения и раскрытия коррупционных преступлений. Отличительная особенность таких преступлений в РФ заключается именно в приверженности к ним субъектов государственной власти, что снижает уровень доверия к ним со стороны граждан. Все это подтверждает высокий показатель индекса восприятия уровня коррупции.

Отдельное внимание уделим специальному проекту Торгово-промышленной палаты РФ «Бизнес-барометр коррупции», который является независимым исследованием мнения предпринимателей и представителей власти с целью замера антикоррупционных настроений и оценки антикоррупционной политики в нашей стране. Проведенный анализ результатов опроса позволяет изучить особенности коррупционных преступлений в РФ.

Проект «Бизнес-барометр России» каждые полгода на постоянной основе проводит опрос, позволяющий выявить уровень коррупции, который определяется этапами и имеет свой номер для дальнейшего анализа и сравнения с предыдущими периодами (полугодиями).

В декабре 2022 г. подведены итоги 10 этапа ежегодного опроса «Бизнес-барометр коррупция», где на вопросы анкеты отвечали представители бизнеса разных отраслей, а также представители органов государственной власти из 85 субъектов РФ. Особенностями данного этапа проведения опроса стали выявление изменения коррупции в связи с проведением в нашей стране мобилизации, а также оценка влияния санкций для РФ. Итог опроса позволил прийти к выводу, что более 30 % бизнесменов отметили рост коррупции в нашей стране, связанный с наложением санкций. С проявлениями коррупции столкнулись 58 % российских бизнесменов разных секторов

и сфер деятельности; более 50% опрошенных заявили, что санкции существенно повлияли на уровень коррупции в стране благодаря сильному росту цен на сырье и материалы.

Данные опроса, приведенные Торгово-промышленной палатой в рамках независимого исследования состояния коррупции за 2021 г. (8 и 9 этапы), позволяют выявить и сравнить, какие сферы предпринимательской деятельности являются наиболее коррумпированными (рис. 2) [7].

Рис. 2. Наиболее коррумпированные сферы предпринимательской деятельности

Опрос предпринимателей и представителей власти также помогает оценивать уровень коррупции в органах власти в каждом федеральном округе, исследовать коррупционные практики взаимодействия бизнеса и представителей органов, получивших наибольшее распространение, изучать эффективность деятельности органов по профилактике коррупционных преступлений и правонарушений на снижение уровня корруп-

ции (рис. 3). В данном опросе участвовали 46 345 предпринимателей и представителей власти.

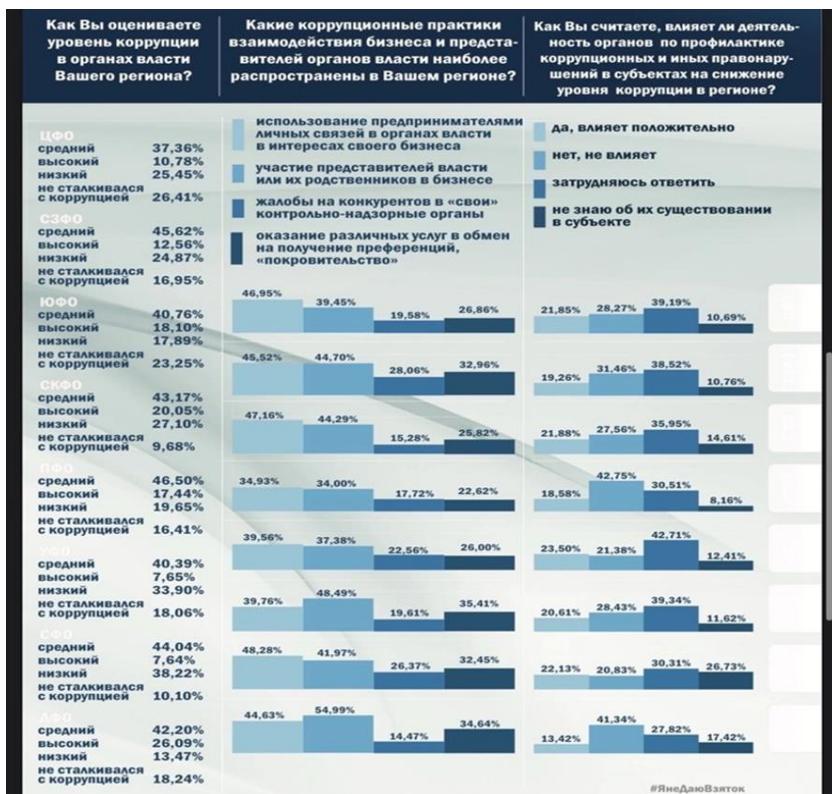

Рис. 3. Оценка уровня коррупции в органах власти в федеральных округах

Таким образом, высокая степень общественной опасности коррупционных преступлений в РФ выражается в том, что в результате их совершения существенно нарушаются нормальная, то есть соответствующая определенным нормативным актам, деятельность государственных и местных органов власти; подрываются авторитет и иные интересы публичной власти; зачастую причиняется значительный материальный

ущерб; ущемляются права и законные интересы граждан или организаций, а в целом – интересы всего общества и государства, именно поэтому данная проблема нуждается во внимании для ее разрешения.

Примечания

1. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2023).
2. Статья 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [Электронный ресурс]: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. 34/169. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 12.10.2023).
3. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 12.10.2023).
4. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2023).
5. *Быков Б. А. Административно-правовые и организационные основы деятельности ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.* 241 с.
6. *Омигов В. И. Криминология. Общая и Особенная части: учебник для вузов. Пермь, 2017.*
7. Информация о результатах проведенного Торгово-промышленной палатой Российской Федерации 9 этапа специального исследования «Бизнес-барометр коррупции» [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/document/27941710> (дата обращения: 12.10.2023).
8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.10.2023).

**З. В. Пасечная,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России**

Научный руководитель —
канд. экон. наук, доцент *Д. В. Назарычев*

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА МЕЖОТРАСЛЕВУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

Одним из ключевых символов, олицетворяющим вступление мировой экономики в постиндустриальную стадию развития стало развитие принципиально новых концепций, базисом которых являются Digital-стратегии, нашедшие формальное выражение в идее Индустриальной революции 4.0. С ее рождением и внедрением в мировую практику начала нарастать тенденция к увеличению доли мирового валового внутреннего продукта, приходящегося на крупнейшие корпорации, широко применяющие в своей деятельности достижения IT-сферы. Так, в 2017 г. резко возросла рыночная капитализация компаний Google, Apple, Amazon, Exxon Mobil, JP Morgan Chase, хотя область их экономических интересов довольно различная: разработка интернет-сервисов, производство электроники и IT, ритейл, нефтедобыча, банковское дело, соответственно [1]. Подобное положение дел — весьма закономерное следствие усложнения социально-экономической структуры современного общества.

Предпринимательская деятельность представляет собой сферу перманентно присутствующего риска. Поскольку риск — это в некотором роде состояние относительной неоп-

ределенности, то одним из методов управления им является снижение ее степени. Последнее возможно достичь наиболее эффективно тогда, когда имеется возможность четко и быстро аккумулировать большие потоки информации, анализировать их и принимать на этой основе управленческие решения. Иначе говоря, с внедрением цифровых технологий возрастает производительность компаний, стабилизируется положение на рынке, повышается конкурентоспособность, расширяются рынки сбыта, и т. д., что не может не оказать положительное влияние на капитал экономического агента.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобное развитие ситуации далеко не единственный возможный вариант. Как и любому новому продукту, выходящему на рынок, результатам ИТ-разработок и организации внедрения таковых в практику отечественного бизнеса присущ целый спектр рисков, от эффективности управления которыми во многом зависит успешность инвестиций компаний. Рассмотрим особенности российского опыта цифровизации экономики.

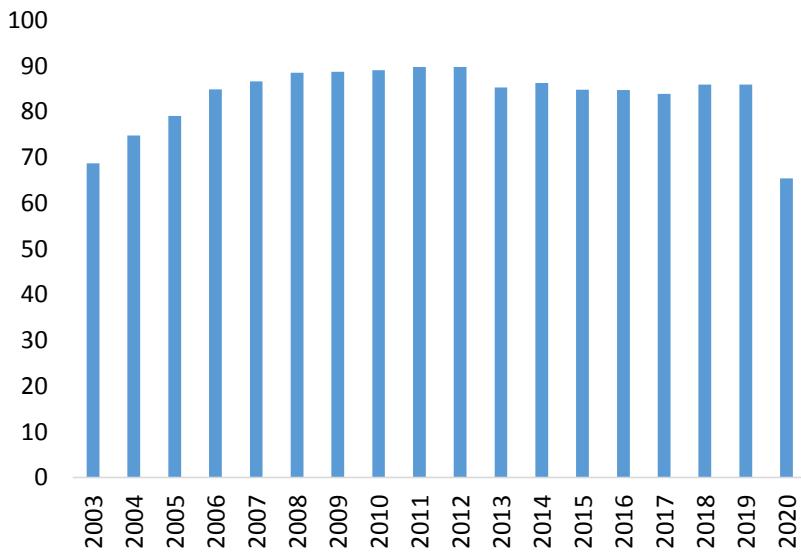
По данным, представленным одной из крупнейших консалтинговых компаний — KMDA, для хозяйствующих субъектов РФ характерны пять стадий развития цифровой инфраструктуры, а именно:

- 1) состояние несвязанной инфраструктуры, когда переход на использование цифровых продуктов осуществляется поэлементно, на отдельных объектах;
- 2) слияние, некоторое объединение, интеграция элементов в подсистемы;
- 3) полная интеграция элементов, цифровизация всего комплекса процессов, образование цифровой модели организации;
- 4) возможность разработки предиктивной аналитики, позволяющей на любом этапе экономического процесса производить самокоррекцию;
- 5) объединение результатов всех предыдущих этапов, формирование открытой, зрелой инфраструктуры [2].

РФ встала на путь цифровизации экономики позднее, чем ряд зарубежных государств, однако даже в современных усло-

виях обострения мировых экономических отношений она предпринимает все меры по поддержанию развития и разработке собственной научной базы для дальнейших разработок. Одним из подтверждения тому служит национальный проект «Приоритет – 2030», подразумевающий формирование более 100 крупнейших научных центров технологической и социально-экономической модернизации страны на базе образовательных организаций высшего образования [3].

Рассмотрим статистику, раскрывающую показатель доли организаций, использующих специальное программное обеспечение в целом по стране (рисунок).

Удельный вес организаций, которые использовали специальные программные средства в целом по Российской Федерации, % от числа обследованных организаций

(по данным Федеральной службы государственной статистики [4])

Представленные данные свидетельствуют о возрастании с 2003 г. удельного веса компаний, внедряющих в практику своей деятельности новейшее программное обеспечение. Пик роста приходится на 2011–2012 гг., то есть на послекри-

зисный период (2008–2010 гг.) финансово-экономической нестабильности в РФ.

Для большей детализации отметим, что, помимо удельного веса компаний, наращивающих внедрение ИТ-продукции, мы представили структуру направления использования программного оборудования (далее — ПО), где лидирующие позиции занимают цель цифровизации проведения финансовых расчетов и применение справочно-правовых систем. Далее идут организационные, управленические и экономические нужды, и на третьем месте среди прочих задач находится процесс управления закупками на предприятии.

Наряду с некоторыми преимуществами, цифровизация имеет и ряд последствий, потенциально создающих почву для возникновения угроз экономической безопасности. Перечислим наиболее типичные:

во-первых, изменение финансовой и экономической структуры, что вызывается оттоком трудового капитала в отрасли, связанные с обработкой информации. В результате возникают предпосылки для безработицы;

во-вторых, межотраслевые комплексы также ощущают на себе действие новых трендов. Манипулирование информацией стало одним из наиболее эффективных средств конкурентной борьбы;

в-третьих, одна из ключевых позиций в перечне угроз отводится, безусловно, информационной безопасности и защите информации. Особо остро стоят вопросы создания, использования и распространения вредоносного программного обеспечения, фишинга, спама;

в-четвертых, стабильное функционирование новых видов правоотношений возможно при наличии такой же устойчивой нормативной правовой базы. В настоящее время осуществляется модернизация действующего законодательства с целью устранения пробелов в регулировании правоотношений в киберпространстве;

в-пятых, активная санкционная политика зарубежных государств накладывает некоторые ограничения и несколько за-

медляет развитие национальной информационной инфраструктуры в части, касающейся модернизации уже действующего оборудования, ПО и связанных с ними компонентов.

Перечислив лишь некоторые из существующих угроз, особо подчеркнем, что по своему характеру они не являются критичными. В РФ имеется достаточно мощный научно-технологический потенциал, с помощью которого можно не только значительно снизить уровень угроз экономической безопасности страны, но и полностью нивелировать отдельные из них.

Подводя итог, отметим ряд вопросов, которые необходимо учитывать компании при принятии решения о цифровой модернизации отдельных своих операционных сегментов или полного комплекса бизнес-процессов. Безусловно, следует начать с тщательного анализа состояния компании, и не только финансового.

Целесообразно оценить цифровую зрелость, необходимость и целесообразность модернизации отдельных процессов, способность проекта к окупаемости, последствия внедрения результатов разработок.

Возможна разработка собственной оценочной системы рисковости финансовых вложений.

Диагностика ситуации на рынке, анализ конкурентной среды являются следующими ключевыми задачами, обусловленными необходимостью учета региональных и конъюнктурных рисков.

Прогнозное моделирование позволит оценить последствия нововведений на производстве. Генерирование альтернативных стратегий поведения — диверсификация рисков. После проведения сценарного анализа, комплексной экспертной оценки вариантов управленческих решений можно непосредственно перейти к принятию решения.

В дальнейшем на каждом этапе внедрения проекта необходимо осуществлять контроль за реализацией плана, вести оперативный учет отклонений.

По итогам внедрения результатов проекта следует оценить достигнутый результат, учесть полученный опыт.

Примечания

1. Семернина С. А., Сомина И. В. Цифровая трансформация бизнеса: зарубежный опыт // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. № 2. С. 25.
2. Программа «Приоритет – 2030» [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Цифровая трансформация в России – 2020. Отчет KMDA [Электронный ресурс] // Команда А. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 02.10.2023).

*Д. П. Простякова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ *А. П. Кузнецов*

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ (ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 159¹
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ) И НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ
КРЕДИТА (ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 176 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

В настоящее время УК РФ наполнен большим количеством норм, закрепляющих юридическую ответственность за различные общественно опасные деяния, перечень которых определяется разделами, главами и статьями УК РФ.

В российском Уголовном законе нередко можно встретить нормы, похожие по конструкции и сущности противоправных действий. Они являются конкурирующими между собой. В большинстве случаев при возникновении таких ситуаций предпочтение при квалификации преступлений отдается специальной норме.

В уголовном законодательстве имеется ряд статей, хоть и включающих в себя однородные признаки противоправных деяний, но при их глубоком анализе отличающихся между собой. Такие случаи обнаруживаются в том числе в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». В статье будет проведен сравнительный анализ неза-

конного получения кредита и мошенничества в сфере кредитования.

На протяжении длительного времени в РФ одним из первостепенных направлений деятельности является экономическая. Это обуславливается как необходимостью повышения уровня благосостояния населения и развития производства (что относится к внутренней экономической политике), так и реализаций потенциала нашего государства на мировой арене (внешней экономической политикой). Несомненно, все эти факторы являются позитивными, но не стоит забывать о криминальных явлениях в обществе. Развитие экономики тоже порождает возникновение новых видов преступлений, новых лазеек в законодательстве, которыми пользуются злоумышленники.

Необходимо отметить, что ввиду быстроразвивающегося рынка наблюдается устойчивая тенденция роста цен не только на обычные товары, необходимые для комфортной повседневной жизни, но и на сырье, товары, услуги, арендную плату и т. п. [1]. По этой причине граждане, предприниматели или руководители организаций, оказавшиеся в кризисной ситуации, прибегают к займам. Иногда это реализуется не совсем законным путем. Такие общественно опасные деяния закреплены в УК РФ. Чтобы понять, какое конкретно преступление в соответствии с нормами Уголовного закона было совершено, с помощью сравнительного метода исследования рассмотрим элементы составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159¹ УК РФ и ч. 1 ст. 176 УК РФ.

В уголовно-правовых науках среди ученых-юристов отмечено большое количество споров по поводу кредитного мошенничества. Вопросами разграничения двух схожих составов преступлений занимались В. Н. Балябин, Н. А. Лопашенко, А. Ю. Олимпиев, В. Д. Ларичев [2].

Интересно заметить, что В. Д. Ларичев, яро выступавший за введение в перечень статей гл. 22 УК РФ нормы об ответственности за незаконное получение кредита, впоследствии высказал мнение о необходимости ее устранения [3]. Его сторонником является И. В. Лозинский [4].

Чтобы разобраться в правильности или ошибочности научных позиций, проанализируем обе нормы с уголовно-правовой точки зрения.

Каждый имеющийся в Уголовном законе состав преступления содержит конкретные признаки, отличающие его от других норм. В нашем случае для изучения данного вопроса разграничение будет проводиться по следующим элементам: объекту преступления, субъекту преступления и субъективной стороне преступления.

Объект преступления. Общий объект противоправного деяния в обеих статьях УК РФ будет одинаковым: общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством РФ [2].

Родовой объект исследуемых норм также является идентичным, так как обе статьи содержатся в разделе VIII Уголовного закона: общественные отношения, возникающие в сфере экономики.

Особое внимание обратим на существенное различие видовых объектов исследуемых преступлений (рис. 1).

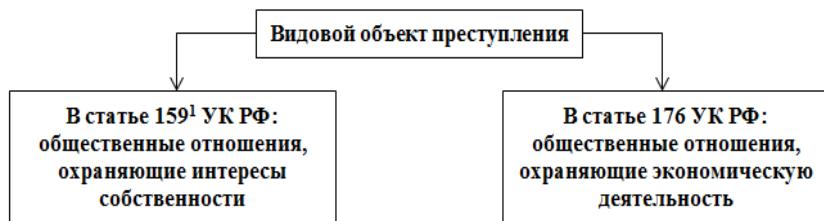

Рис. 1. Различие видовых объектов преступлений, предусмотренных ст. 159¹ и 176 Уголовного кодекса Российской Федерации

Данный элемент состава преступления определяется по главе, в которой располагается норма. В связи с этим видовой объект исследуемых статей, соответственно, будет разным.

Непосредственные объекты рассматриваемых противоправных деяний также отличается (рис. 2).

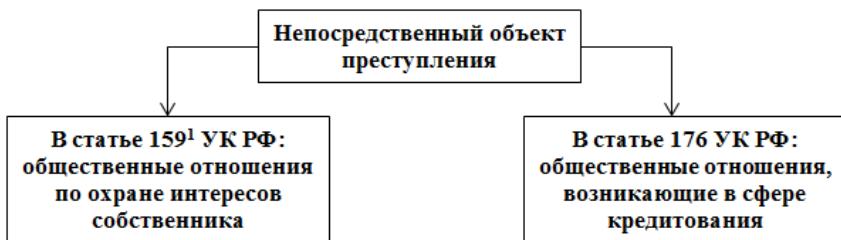

Рис. 2. Различие непосредственных объектов преступлений, предусмотренных ст. 159¹ и 176 Уголовного кодекса Российской Федерации

Субъект преступления. Исходя из логики построения нормы, преступное деяние, закрепленное ч. 1 ст. 159¹ УК РФ, совершается вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности и являющимся заемщиком. Следовательно, субъект данного преступления – специальный. Кроме того, в дополнение к вышеуказанному п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 гласит, что заемщиком будет лицо, обратившееся к кредитору с целью получения, получающее или получившее кредит (денежные средства) от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица [5].

Незаконное получения кредита, даже исходя из диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ, совершается индивидуальным предпринимателем или руководителем организации [6]. Эти лица также относятся к категории специального субъекта.

Субъективная сторона преступления. Начнем с исследования уточняющих признаков субъективной стороны противоправного деяния.

Во-первых, в ходе совершения преступления у субъекта изначально имеется намерение погасить взятый кредит. Это может быть подтверждено кратковременными системны-

ми выплатами по договору. Так, в приговоре Ремонтненского районного суда Ростовской области действия гражданина В. описаны следующим образом: «...осуществлял гашение платы за использование кредитного лимита, платы за обслуживание кредита, погашал срочные и просроченные проценты...» [7], то есть обвиняемый какое-то время оплачивал задолженность перед банком, но впоследствии по объективным причинам перестал.

В соответствии с ч. 1 ст. 176 УК РФ умысел у субъекта противоправного посягательства направлен на получение кредита либо на получение льготных условий кредитования. В первом случае — денежные средства, принятые по кредитному договору от заемщика в определенном объеме и на конкретных условиях. Во втором случае — льготы, которые могут быть применены относительно суммы кредита, процентной ставки, сроков его предоставления.

У лица, совершающего противоправное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 159¹ УК РФ, умысел направлен на хищение денежных средств путем предоставления недостоверной информации о своем финансовом положении, также такое преступление осуществляется с корыстным мотивом.

Виновное лицо, предоставляя неточную информацию с целью получения кредита, заблаговременно осознавало, что выплаты по заключенному договору кредитования предоставлять не будет. В ходе анализа судебной практики выделена следующая формулировка: «...заведомо зная, что свои обязательства по договору займа исполнять не будет, а полученные по договору займа денежные средства обратит в свое незаконное владение и похитит, осознавая, что тем самым преднамеренно не исполнит свои договорные обязательства» [8].

Следующим отличительным признаком двух норм является форма вины. Часть 1 ст. 159¹ УК РФ предполагает совершение общественно опасного действия с прямым умыслом.

Что касается незаконного получения кредита, то здесь вопрос умысла среди представителей научных кругов остается

нерешенным. Возможно, что отсутствие у ученых-юристов единого подхода к определению умысла могло сложиться из-за двух обстоятельств.

1. Правоприменительная практика дает основания полагать, что для инкриминирования виновному лицу ч. 1 ст. 176 УК РФ необходимо наличие объективных причин, ввиду которых лицо перестало осуществлять выплаты. Несмотря на это, в большинстве случаев суды забывают о важности обозначения этих причин. Иногда для квалификации деяния как незаконного получения кредита достаточно лишь самого факта отсутствия выплат без объективных причин [9].

Таким образом, косвенный умысел будет усматриваться в случае появления причин, не зависящих от субъекта противоправного посягательства и ввиду которых лицо не может продолжать выполнять условия кредитного договора. Если таковые основания для приостановления погашения долга перед кредитором отсутствуют, то имеет место прямой умысел.

2. Некоторые ученые-правоведы, занимающиеся исследованиями в области уголовного права, предполагают возможность наличия в ч. 1 ст. 176 УК РФ как прямого, так и косвенного умысла, из-за особенностей конструирования диспозиции нормы. Неоспорим тот факт, что предоставление заведомо ложных сведений о своем финансовом положении или о положении юридического лица может быть осуществлено исключительно с прямым умыслом, но стоит обратить внимание на такую немаловажную деталь противоправного действия, как причинение крупного ущерба. Большинство представителей науки придерживаются позиции присутствия в данном случае как прямого, так и косвенного умысла.

Косвенный умысел будет выглядеть следующим образом: лицо осознает совершение общественно опасных действий, сопряженных с незаконным получением кредита или льготных условий кредитования, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий в форме просрочки платежей или вовсе невыплаты взятых по договору денежных средств с последующим причинением крупного

ущерба заемщику, но сознательно допускает такие последствия или относится к ним безразлично.

Таким образом, отличительные характеристики незаконного получения кредита и мошенничества в сфере кредитования можно представить посредством сравнения объекта преступления, субъекта преступления и субъективной стороны преступления. Данные элементы позволяют определить существенные различия между двумя нормами.

Необходимо подчеркнуть, что наличие в уголовном законодательстве ст. 176 УК РФ оправдано, т. к. не все противоправные посягательства подпадают под признаки состава преступления, регламентированного ст. 159¹ УК РФ.

Для повышения эффективности деятельности государственных органов, единообразного использования принятых законодателем норм считаем целесообразным издать соответствующие разъяснения ВС РФ, которые не только смогут решить проблему квалификации преступлений, но и сформировать единую позицию представителей науки уголовного права по данному вопросу.

Примечания

1. Суворова С. В. О разграничении мошенничества в сфере кредитования и незаконного получения кредита по признакам субъекта и субъективной стороны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 2. С. 75–81.

2. Алешина-Алексеева Е. Н. Отграничение мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 124–130.

3. Ларичев В. Д. Вопросы уголовной ответственности за незаконное получение кредита // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 205–208.

4. Лозинский И. В. К вопросу о декриминализации незаконного получения кредита // Правовые проблемы укрепле-

ния российской государственности: сборник статей / под ред. С. А. Елисеева [и др.]. Томск, 2013. Ч. 58. С. 44–45.

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // РГ. 2017. 11 декабря.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

7. Приговор Ремонтненского районного суда Ростовской области по уголовному делу от 15 марта 2017 г. № 1-15/2017 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

8. Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска по уголовному делу от 14 марта 2016 г. № 1-216/2016 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

9. Приговор Палласовского районного суда Волгоградской области по уголовному делу от 30 мая 2018 г. № 1-43/2018 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

*Д. В. Ростов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. Н. Н. Ковтун

**ВРЕМЕННОЕ (СОМАТИЧЕСКОЕ) ЗАБОЛЕВАНИЕ
ОБВИНЕМОГО КАК ОСНОВАНИЕ
ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное расследование по уголовному делу может быть (временно) приостановлено при объективации основания: «Временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях» [1].

Для доктрины и судебно-следственной практики далеко не секрет, что по факту данная нормативная формула предусматривает два самостоятельных основания для приостановления производства по делу: первое связано с тяжелым заболеванием обвиняемого, подозреваемого соматического характера; второе — с тяжелым психическим расстройством указанных лиц. Каждое из указанных оснований вызывает различные правовые последствия для обвиняемых, объективирует различную систему условий, имеет свою процессуальную форму для института приостановления производства по делу. Остановимся на анализе этих моментов применительно к основанию: *временное, тяжелое (соматическое) заболевание обвиняемого, подозреваемого как основание для возможного приостановления производства по делу*.

Для законного и обоснованного своего применения это основание, на наш взгляд, предусматривает следующую систему условий.

Первое условие. Заболевание подозреваемого, обвиняемого (далее — обвиняемого) носит одновременно **тяжелый** и **длительный** характер. Легкое, быстро проходящее заболевание (недомогание) обвиняемого в принципе не может быть принято во внимание для оценки основания, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Как следствие, неявка обвиняемого (в силу легкого, краткосрочного недомогания) для участия в производстве следственных действий, для предъявления обвинения, ознакомления с материалами дела: суть основание для переноса последних на иную оптимальную дату; к принятию мер по принудительному приводу обвиняемого; разрешению вопроса о продлении срока предварительного расследования на необходимый период (etc.). Но никак не основание для приостановления производства по делу по нормам п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Диалектически взаимосвязан с характером тяжелого заболевания обвиняемого и временной **признак длительности**. Течение болезни, сроки излечения, отсутствие обвиняемого в ходе расследования должны быть столь длительны, что это существенно отражается на установленных сроках расследования, требует их неоднократного продления, объективирует оценку разумности этих сроков как со стороны следователя, так и иных заинтересованных участников процесса. В итоге с учетом и на основе этих позиций мы не можем разделить позиции тех исследователей, которые утверждают, что по сути исследуемого основания к оценке в том числе может быть принято заболевание, которое **не является тяжелым**, но препятствует участию обвиняемого в следственных, процессуальных действиях [2, С. 534–551].

Возразим и по сути того, что данное (тяжкое) заболевание должно обязательно носить **острый характер**, что собственно и исключает возможность участия обвиняемого в производстве по уголовному делу [3, с. 386]. Поясним: обострение (ост-

рая фаза соматического заболевания) объективно препятствует применению очередного курса химиотерапии в отношении онкологически больного, тем не менее он одновременно может осуществлять интенсивное и длительное (не «острое») лечение для улучшения необходимых показателей крови, печени и т. п.

Недопустимо искусственно использовать институт временного приостановления производства по делу для решения сиюминутных ведомственных задач органа предварительного расследования, что отчасти имеет место в следственной практике. Проанализируем материалы уголовного дела № 1901000149000194, расследуемого следственным отделом Казанского линейного управления МВД России на транспорте в отношении обвиняемых Б. и Т. (ч. 3 ст. 180, п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ).

10.06.2021 г. заместителем Татарского транспортного прокурора вынесено постановление о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования.

30.06.2021 г. срок предварительного следствия по уголовному делу возобновлен (надо: «установлен». — **Авт.**) руководителем следственного органа на 01 месяц 00 суток, а всего до 11 месяцев 00 суток, то есть до 30.07.2021.

30.07.2021 срок предварительного следствия по делу был приостановлен следователем С. по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с невозможностью проведения следственных действий с обвиняемым Т., поскольку последний болен коронавирусной инфекцией.

09.08.2021 руководителем следственного органа отменено постановление о приостановлении срока предварительного следствия (надо «приостановлении производства». — **Авт.**), вынесенное следователем.

10.08.2021 срок предварительного следствия по уголовному делу возобновлен; руководителем следственного органа срок установлен на 01 месяц 00 суток, а всего до 12 месяцев 00 суток, то есть до 10.09.2021 г. [4].

Как видим:

во-первых, на практике не совсем усматривают разницу между институтом временного приостановления производства по делу и институтом приостановления срока предварительного следствия;

во-вторых, в качестве основания приостановления указан факт заболевания обвиняемого Т. короновирусной инфекцией. Никаких медицинских заключений (документов) в обоснование указанного в постановлении следователя С. не приведено (нет их и в материалах дела);

в-третьих, явно настораживает тот факт, что обвиняемый Т. (так «удачно») заболел указанной инфекцией как раз к дате окончания срока, установленного для расследования по факту возвращения уголовного дела от прокурора;

в-четвертых, не менее «удачно» обвиняемый Т. выздоровел — как раз к отмене постановления о приостановлении «срока»;

в-пятых, срок для следствия по делу еще раз установлен по правилам возобновления производства по делу, а не прощен по правилам ст. 162 УПК РФ.

Второе условие, характеризующее как факт болезни обвиняемого, так и суть основания, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, — **временный, обратимый характер болезни**. Обратимость означает либо полную излечимость этого заболевания, либо такое значительное и стойкое улучшение соматического состояния обвиняемого, которое вполне позволяет ему активно участвовать в следственных и процессуальных действиях, реализовывать свои права. В данной связи исключительно на основании медицинских документов и по заключению специалистов, а не на основе своих «наличных медицинских» познаний следователь должен быть убежден, что в ходе (реализуемого) лечения есть достаточно высокие шансы на полное выздоровление обвиняемого или стойкое, длительное улучшение его здоровья (для задач и целей процесса).

Если подобная уверенность (по медицинским данным) отсутствует, то институт временного приостановления произ-

водства по делу теряет свое назначение. Болезнь носит тяжкий, длительный, необратимый характер; тенденций к благоприятному исходу в наличии нет. Как следствие, обвиняемый объективно не может быть субъектом (реализации) уголовной ответственности. Наиболее вероятный вариант для этой ситуации, как представляется, — решение вопроса о возможном прекращении производства по делу, к примеру, по аналогии норм ч. 2 ст. 81 УК РФ.

Все кардинально меняется, когда мы одновременно имеем дело с особо тяжкими преступлениями (особенно против личности), диагнозом и течением тяжелой болезни, которая не имеет малейших тенденций к обратимости; когда исход, по сути, предрешен. Здесь прекращение производства по делу не вариант, и в целях обеспечения безопасности общества, государства, охраняемых законом интересов ситуацию надо разрешать с принципиально иных позиций.

Скажем, обвиняемого разбил паралич, то, как анализируют, к примеру, авторы курса уголовный процесс под редакцией Л. В. Головко, — без малейших шансов на выздоровление, что исключает его дальнейшее участие в производстве по делу. При отсутствии оснований для прекращения уголовного дела (преследования) единственной возможностью является приостановление предварительного расследования [3, с. 387].

Не согласимся. Это, признаем, «процессуально удобно» и не влечет особых последствий для органов и лиц, ведущих процесс: просто «остановиться» и наблюдать, когда производство по делу можно будет законно и обоснованно завершить по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, особенно в тех ситуациях, когда обвиняемый под стражей, тем более что основание для прекращения производства нереабилитирующее. Однако насколько это решение соответствует сути и назначению института временного приостановления производства по делу; насколько оно нравственно и приемлемо (в оценке членов гражданского общества)? — это вопрос. В итоге мы скорее готовы принять для этой ситуации иной алгоритм решений и действий след-

ственных органов. По букве закона прежде всего должны быть решены вопросы:

во-первых, связанные с мерой пресечения заключение под стражу в отношении данного обвиняемого (в том числе на основе новаций, предусмотренных нормами ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ и постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»);

во-вторых, следственные органы (оперативно и эффективно) обязаны принять меры для организации соответствующего лечения данного обвиняемого (в медицинской части СИЗО или ином медицинском учреждении Министерства здравоохранения РФ (при необходимости) под наблюдением и охраной правоохранительных органов);

в-третьих, законно решить вопросы с продлением срока предварительного следствия по делу по нормам ст. 162 УПК РФ, и равно иные вопросы, в том числе предусмотренные ч. 6–8 ст. 208 УПК РФ.

Третье условие (данного основания) характеризует надлежащую процессуальную форму удостоверения факта тяжелого, длительного, временного заболевания обвиняемого. По букве закона этот факт должен быть удостоверен **медицинским заключением** (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). Что это за заключение? Каким именно медицинским органом или иным субъектом оказания медицинской помощи оно выдается (формируется)? Как оформляется и удостоверяется для свойств его исходной легальности? В качестве какого источника доказательств приобщается к делу? Уголовно-процессуальный закон в принципе не поясняет ни непосредственно, ни посредством бланкетных отсылок. Не поясняет указанного и более чем лапидарное суждение (отдельных) исследователей, по сути которого «наличие и характер болезни удостоверяются медицинским заключением, которое имеет значение заключения специалиста» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ) [5, с. 444]. Возразим.

Во-первых, неясно, кто и в каком именно процессуальном порядке обращался к компетенции этого «специалиста»,

разъяснял ему его процессуальные права, обязанности, ответственность; как именно оформлено данное заключение; как оно «появилось» в материалах дела. Неясно и то, в силу каких обстоятельств этот документ следует оценивать как «заключение специалиста» (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), а не в качестве «иного документа» (ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ).

Во-вторых, привлечь специалиста в уголовный процесс вправе и сторона защиты, в том числе для подготовки (в своем интересе и за счет средств доверителя) подобного заключения. Судебная практика, напомним, не признает доказательственное значение указанных заключений, в том числе по причине того, что они получены адвокатом, вне рамок уголовно-процессуального закона, без соблюдения оснований и процедур получения подобного заключения. Как следствие, «всерьез» опираться на это заключение как на основу для вынесения процессуальных решений, вряд ли оправдано. Для нас это точно не «заключение специалиста» по ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ.

Указанное заставляет апеллировать к медицинским правилам удостоверения вида болезни, исчисления ее сроков, возможных результатов. Для начала обратимся к наиболее актуальному (на данный) момент ведомственному НПА Министерства здравоохранения РФ — приказу Министерства здравоохранения РФ от 23 ноября 2021 г. № 1089н «Условия и порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации» (далее — Приказ) (ред. от 13.12.2022) [6].

«Формирование (выдача) листков нетрудоспособности осуществляется юридическими лицами независимо от организационно-правовой формы (или индивидуальными предпринимателями), имеющими в соответствии с законодательством Российской Федерации о лицензировании **лицензию на медицинскую деятельность** (полужирный наш. — Авт.), включая работы (услуги) по экспертизе временной нетрудоспособности» — п. 2.2 Приказа;

«Формирование и продление листка нетрудоспособности осуществляется **после осмотра гражданина** (полужирный наш. — Авт.) медицинским работником и записи данных о состоянии его здоровья **в медицинской карте пациента** (полужирный наш. — Авт.), получающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях, **либо в истории болезни** (полужирный наш. — Авт.) стационарного больного или иной медицинской документации...» — п. 9 Приказа;

«Номера листков нетрудоспособности **регистрируются** (полужирный наш. — Авт.) в медицинской документации, используемой в медицинских организациях, **с указанием даты формирования** (выдачи) и **продления**, **выписки гражданина** (полужирный наш. — Авт.) на работу, сведений о направлении гражданина в другую медицинскую организацию или в учреждение медико-социальной экспертизы» — п. 11 Приказа;

«При продолжении срока временной нетрудоспособности решение о продлении листка нетрудоспособности единовременно **на срок не более 10 календарных дней принимается врачебной комиссией** (полужирный наш. — Авт.) медицинской организации, проводившей оказание медицинской помощи гражданину в стационарных условиях» — п. 14 Приказа. Здесь, как видим, первичное, единоличное («бессрочное») «заключение специалиста» автоматически теряет свойства легальности, на наш взгляд, и для материалов дела;

«При лечении заболеваний, профессиональных заболеваний, травм <...> и иных состояний, связанных с временной потерей трудоспособности, лечащий врач **единолично** (полужирный наш. — Авт.) формирует листки нетрудоспособности **сроком до 15 календарных дней включительно** (полужирный наш. — Авт.)» — п. 20 Приказа;

«При сроках временной нетрудоспособности, превышающих сроки, предусмотренные пунктом 20 настоящих Условий и порядка, листок нетрудоспособности формируется и продлевается **по решению врачебной комиссии** (полужирный наш. — Авт.)» — п. 21 Приказа;

«При благоприятном клиническом прогнозе листок нетрудоспособности может быть сформирован и продлен, <...> по решению врачебной комиссии не реже, чем через каждые 15 календарных дней, но на **срок не более 10 месяцев** (полужирный наш. — Авт.) с даты начала временной нетрудоспособности; при лечении туберкулеза — **не более 12 месяцев** (полужирный наш. — Авт.)» — п. 22 Приказа;

«При неблагоприятном клиническом прогнозе — на срок **не более четырех месяцев** (полужирный наш. — Авт.)».

Как видим, ведомственное регулирование более точно решает вопросы, связанные с установлением факта болезни, точного диагноза, возможности болеющего выполнять трудовые (и иные) обязанности, управомоченных субъектов решения вопросов о временных сроках необходимого лечения, его результате и конкретной дате восстановления работоспособности (в нашем случае — уголовно-процессуальной). В итоге, казалось бы, кому, как ни законодателю, в целях обеспечения правовой определенности и единства в правоприменении надо было ориентировать следственные органы (для исследуемой ситуации) к этому регулированию, его документам, субъектам.

Как всегда есть ложка дегтя, которая существенно меняет походы. Речь — о пункте 33 указанного Приказа, по сути которого листок нетрудоспособности **не формируется гражданам, находящимся под стражей** или административным арестом. Именно так: находящимся под стражей. Под иной мерой пресечения — масса процессуальных и материальных гарантий; остается только воспользоваться. Находишься в СИЗО — высокие стандарты необходимой, в том числе специализированной, медицинской помощи будут оказаны непосредственно в медицинской части СИЗО без надуманных врачебных комиссий, без периодических медицинских освидетельствований, без бумажной волокиты и иных бюрократических излишеств, типа листка временной нетрудоспособности.

Насколько указанное соответствует принципу презумпции невиновности обвиняемого (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), по сути, которого указанные лица все еще не счи-

таются виновными в совершении преступления и обладают всей полнотой гражданских прав и гарантий, акцентировать, скорее всего, излишне.

В итоге, считая подобное регулирование в принципе незаконным, необоснованным и нравственно упречным, полагаем, что данный пункт должен быть исключен из ведомственного нормативного регулирования Министерства здравоохранения РФ. Все уголовно-преследуемые лица, в отношении которых еще нет вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, должны обладать всей полнотой прав, делегированных членам гражданского общества (за изъятиями, установленными уголовно-процессуальным законом).

Как следствие, единственным легальным документом, подтверждающим факт и диагноз тяжелого, обратимого, длительного заболевания обвиняемого, должен стать электронный документ в форме листка временной нетрудоспособности (его заверенный скриншот), размещенный непосредственно в медицинской (электронной) информационной системе медицинской организации либо государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта РФ. Именно это императивное предписание должно найти однозначное закрепление и в нормах процессуального института, регламентирующего процессуальную форму приостановления производства по делу. Для этого нормы п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, на наш взгляд, должны быть изменены и изложены в следующей нормативной редакции:

«...4) временное (*обратимое*), *соматическое* тяжелое, длительное заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением (*листком временной нетрудоспособности, формируемым в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения РФ*), препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях».

На актуальность и практическую востребованность внесения указанных изменений объективно указывают изученные материалы следственной практики, весьма вольно трактующие

факт заболевания обвиняемого — основания для приостановления производства по делу. К примеру:

03.05.2019 г. следователь следственной части по РОПД СУ УТ МВД России по ПФО капитан юстиции С., рассмотрев материалы уголовного дела № 41801000113000014, постановил: приостановить уголовное дело в отношении обвиняемого С-ва по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [7].

В качестве оснований указанного решения следователь указывает, что 03.05.2019 г. от защитника Губ-на в адрес СЧ по РОПД СУ УТ МВД России по ПФО поступило уведомление о том, что у обвиняемого С-ва имеется временное тяжелое заболевание, которое препятствует участию последнего в производстве процессуальных действий.

<...> Согласно представленному уведомлению, содержащему сведения по представленному диагнозу об имеющемся у С-ва временном тяжелом заболевании и медицинских рекомендациях, установлено, что у С-ва в настоящее время значительно снижена способность воспринимать характер и значение следственного и процессуального действия. Кроме того, вследствие заболевания организм С-ва находится в ослабленном состоянии и производство следственных и процессуальных действий может спровоцировать значительное ухудшение здоровья.

На основании изложенного следствие приходит к объективному выводу о том, что в соответствии с представленными сведениями о состоянии здоровья С-ва и наличием временного тяжелого заболевания производство следственных и процессуальных действий с участием последнего невозможно.

Таким образом, в указанной ситуации в качестве «медицинского заключения» объективировано уведомление исключительно защитника, представленное следователю. Следователь указывает, что уведомление содержит сведения о диагнозе обвиняемого С-ва и о тяжелом, но временном (обратимом) заболевании последнего (в какой именно форме, следователь не поясняет). Дополнительно следователь апеллирует к некоторым (нераскрытым в постановлении) медицинским рекомендациям,

согласно которым реализация следственных и процессуальных действий в отношении С-ва значительно ухудшит его (ослабленное) состояние. Эти сведения стали столь убедительными, что оказали определяющее воздействие на оценку и решение следователя, который незамедлительно приостановил производство по делу. В итоге остается только поверить как достоверности указанных («медицинских») документов, так и оценке следователя.

Несколько настораживает, правда, что в эту же дату (03.05.2019) аналогичное решение о приостановлении производства по делу принято этим следователем в отношении обвиняемого А. и обвиняемого К. [7], при этом также на основании уведомления защитника о тяжелом и временном заболевании указанных обвиняемых, неведомых медицинских рекомендаций, крайне ослабленного соматического состояния указанных лиц. Комментарии столь «согласованного» правоприменения, полагаем, излишне.

Четвертое условие является общим для всех оснований ч. 1 ст. 208 УПК РФ, предполагая **выполнение всех следственных действий** до приостановления производства по делу, которое мы отчасти уже обсуждали и конвенциально оставляем без комментария, так как ничего нового к исследуемому основанию это условие не объективирует.

Суммируем: исключительно система указанных условий, на наш взгляд, легализует реальное основание для законного и обоснованного приостановления производства по делу ввиду объективации, исследуемого основания (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). В целях обеспечения единства и определенности в правоприменении система данных условий, полагаем, должна найти отражение в необходимом (востребованном) постановлении Пленума ВС РФ.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс]

тронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).

2. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд. перераб. и доп. Москва, 2023.

3. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головко. Москва, 2016. 1278 с.

4. Материалы УД № 11901000149000194, расследуемого Следственным отделом Казанского ЛУ МВД России на транспорте (2021–2022 гг.).

5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2008.

6. Условия и порядок формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 ноября 2021 г. № 1089н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).

7. Материалы уголовного дела № 41801000113000014, расследуемого СЧ по РОПД СУ УТ МВД России по ПФО (2019 г.).

*A. С. Сысоева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. *M. A. Кириллов*

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ НАРКОТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Наркомания — это социальное опасное явление, с которым необходимо бороться с помощью социальных, экономических, а также правовых методов. В рамках настоящей статьи особый интерес представляет анализ женской наркотической преступности. Широкое внимание к обозначенной группе обусловлено всесторонней разработкой автором на диссертационном уровне проблем женской преступности и наказания за нее.

Женская преступность имеет специфические особенности и тенденции, что на протяжении десятков лет привлекает внимание криминологов, социологов, юристов и правоведов. Женская наркотическая преступность непосредственно сопряжена со следующими смежными явлениями: употреблением женщинами наркотических средств, совершением преступлений в состоянии наркотического опьянения, разложением морально-нравственных основ семьи и общества.

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности регулярно представляет Всемирный доклад о наркотиках — The World Drug Report, согласно которому в 2022 г. женщины составляли почти половину потребителей фармацевтических препаратов в немедицинских целях и лишь пятую часть лиц, проходящих лечение в связи с их употреблением [1].

Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические и социальные аспекты преступности в сфере незаконного оборота наркотиков привлекают широкое внимание научного сообщества. Существенный вклад в разработку проблем в данной области внесли, в частности, такие ученые, как В. Н. Бурлаков, Э. Г. Гасанов, Т. М. Клименко, М. А. Любавина, Г. М. Миньковский, А. Н. Сергеев и многие другие. Женскую преступность в сфере незаконного оборота наркотиков исследовали С. В. Газазян, В. М. Данилов, М. А. Кириллов, Н. В. Киркина и другие.

Современное состояние преступности в обозначенной сфере характеризуют следующие черты:

- омоложение как непосредственных потребителей, так и распространителей;
- транснациональный характер;
- регулярное пополнение наркорынка новыми потенциально опасными психоактивными веществами;
- масштабное использование цифровых технологий, в том числе мессенджеров, системы моментальных электронных платежей, криптовалюты.

Актуальное состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств невозможно полноценно представить без анализа статистических данных. В этой связи нами проведено сравнительно-правовое статистическое исследование отдельных показателей наркотической преступности [2, 3], результаты которого представлены в таблице.

За последние годы общее количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств стабильно снижается, но, несмотря на численное снижение регистрируемой наркотической преступности, ее удельный вес в общей структуре преступности сохраняется на высоком уровне. На протяжении проанализированного периода данный показатель варьировался от 9 до 11,6 %. Иными словами, каждое десятое регистрируемое в РФ преступление связано с незаконным оборотом наркотических средств.

**Показатели преступности
в сфере незаконного оборота наркотических средств**

		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Из них: в сфере незакон- ного оборота наркоти- ческих средств	Зарегистрирова- но преступлений	Коли- чество	Доля, %	Рас- крыто	Доля рас- крытых, %	236 939	2 388 476	201 165	2 160 063	208 681	2 058 476
	Осуждено лиц за преступления в сфере незакон- ного оборота наркотических средств (ст. 228–234 ¹ УК РФ)	Коли- чество	Доля, %	Рас- крыто	Доля рас- крытых, %	117 912	138 796	10,5	231 462	2 206 249	
	Выяв- лено лиц	Коли- чество	Доля, %	Рас- крыто	Доля рас- крытых, %	114 073	123 300	55,3	140 980	11,6	254 730
10,6	11 536	108 619	10,6	117 912	59,9	9	10 311	114 722	121 557	57,5	136 163
9,5	10 795	114 018	9,5	123 300	55,3	9,1	9 430	102 254	106 292	57,6	120 701
9	8 871	104 018	9,1	114 722	57,5	8,7	8 165	90 876	95 683	56,5	113 174
9,3	7 340	78 281	9,3	102 254	56,5	9,4	7 543	69 079	83 137	53,2	102 771
9,4	6 543	69 079	9,4	9 430	54	9,8	7 419	75 647	85 147	56,1	100 975
9,8	7 419	75 647	9,8	7 340	54	10,5	7 799	74 567	79 666	57,7	100 735
10,5	7 799	74 567	10,5	9 165	59,9	10,1	9,3	6 543	69 079	9,4	189 905
											190 197
											199 532
											2 024 337
											2 044 221
											2 004 404
											1 966 795

Подчеркивая масштабность проблемы наркопреступности, Президент РФ В. В. Путин в марте 2023 г. акцентировал внимание на важности системного подхода в борьбе с распространением наркотиков, а также отмечал, что «...противодействие незаконному обороту наркотиков остается ключевой задачей МВД России» [4].

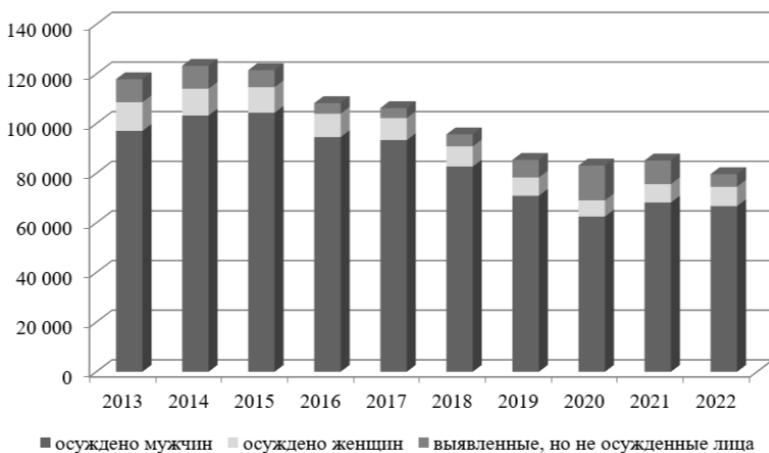
Кроме того, в структуре преступности рассматриваемой категории стабильно увеличивается удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений. Такая тенденция характерна для всей структуры преступности, однако в сфере незаконного оборота наркотических средств она представляет наибольшую социальную опасность.

Вплоть до 2015 года стабильно увеличивалось количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. В 2015 году этот показатель достиг рекордных 30 523 человек, то есть почти 3 % от всех лиц, совершивших преступления, находились в состоянии наркотического опьянения [5]. Начиная с 2016 г. показатель ежегодно снижается, однако он свидетельствует о том, что лицо, находящееся в таком состоянии, не может адекватно оценивать обстановку и в полной мере контролировать свои действия. В связи с этим профилактика употребления наркотических средств предупреждает совершение всех групп преступлений, связанных не только с незаконным оборотом наркотических средств.

Особую настороженность вызывает существенное расхождение таких показателей, как «количество выявленных лиц» и «количество осужденных лиц за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств».

В структуре осужденных лиц нами выделены женщины, которые составляют порядка 10 % от всех осужденных за наркопреступления лиц. Здесь наблюдается аналогичная тенденция: количество осужденных женщин снижается, однако их доля сохраняется на прежнем уровне. В этой связи рассмотрение лишь численных показателей не может дать полноценного представления о структуре наркотической преступности.

На сегодняшний день женщины все глубже проникают в преступную наркотическую иерархию, а снижение количества выявляемых и осуждаемых лиц свидетельствует, в числе прочего, о латентности преступлений рассматриваемой категории. На рисунке наглядно продемонстрировано соотношение осужденных лиц женского и мужского пола и количество выявленных лиц по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Количество лиц, выявленных и осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств

Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств представляет серьезную опасность как для человека, так и для всего общества и государства. Наркотические средства разлагают духовные ценности общества, наносят непоправимый ущерб здоровью населения. Особенно ярко это проявляется в современном обществе, в котором в наркопреступность оказываются вовлечены социально незащищенные и уязвимые слои населения, в первую очередь, женщины.

Женская наркотическая преступность отличается от мужской по своему причинному комплексу: если мужчины идут

на преступления преимущественно ради материального благополучия, то для женщин корыстный мотив зачастую сопровождается заботой о благополучии семьи, стремлением улучшить материальное и жилищно-бытовое положение детей. Женщины более подвержены внешнему влиянию и формированию зависимости, в связи с чем могут идти на преступление под воздействием внешнего давления либо будучи в состоянии наркотического опьянения. Таким образом, общие тенденции наркотической преступности свидетельствуют об устойчивости и дальнейшем распространении данного противоправного явления в нашей стране.

Примечания

1. Всемирный доклад о наркотиках 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1_russian.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
2. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Форма № 11 [Электронный ресурс] // Судебный департамент при ВС РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.10.2023).
4. Путин потребовал уничтожать финансовую инфраструктуру наркобизнеса [Электронный ресурс] // News.ru: официальный сайт. URL: <https://news.ru/vlast/putin-potreboval-unichtozhat-finansovuyu-infrastrukturu-narkobiznesa/> (дата обращения: 11.10.2023).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/7087734> (дата обращения: 10.10.2023).

*В. А. Тимошкина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, доц. *В. В. Терехин*

**ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ЗАЩИТЫ ЛИЦА
ПОСРЕДСТВОМ ОГРАНИЧЕНИЙ
ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО**

В современном мире принято развивать концепцию приоритета прав и свобод человека как важного правового принципа в РФ в целом. Верховенство защиты прав и свобод человека всегда означает не только юридическую законность и порядок, но и наличие в нем неких механизмов, направленных на ограничения одного лица с целью защиты другого. В этой связи одним из принципов, которые составляют назначение уголовного судопроизводства, является защита законных интересов лиц, потерпевших от преступных посягательств [1].

Любая сфера функционирования государства и общества напрямую связана с проблемой соблюдения прав и свобод личности, поэтому на фоне обеспечения действий государства по реализации своей правозащитной функции ученые-процессуалисты стали все чаще обращаться к соотношению понятий «публичный интерес» и «частный интерес».

В Конституции РФ закреплено, что частные интересы лиц охраняются законом и никто не может быть лишен его не иначе как по решению суда [2], однако при установлении нормального функционирования публичных интересов приходится ограничивать некоторые права и свободы личности.

Как правило, уголовный процесс дублирует законодательное закрепление норм и принципов, регулируемых Конституцией РФ. Необходимо упомянуть о том, что в первую очередь реализацией законодательных гарантий по охране конституционных прав личности (участников уголовного процесса) обеспечиваются правоохранительными органами, в том числе осуществляющими предварительное расследование.

Как справедливо замечает Э. С. Каминский, содержанием публичного интереса является охраняемый законом интерес, за которым стоит общество, государство и без удовлетворения которых невозможно реализовать частные интересы (назначение наказания обвиняемому, с одной стороны, как обеспечение публичной функции — изобличение виновного и поддержание правопорядка в обществе; с другой — установление справедливости по отношению к потерпевшему, гаран器ия возмещения причиненного преступным посягательством вреда), а также обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, общества в целом [3, с. 274].

Уголовный процесс является отраслью публичного права, нормы которого направлены на защиту публичных интересов государства и связаны с осуществлением властных (публичных) полномочий в лице государственных органов.

Частный интерес лица существует как самостоятельное явление, независимо от государства и может быть реализован его носителем по его личному усмотрению. Его ограничителем служат только интересы государства (общества). Для обеспечения баланса правоотношений, возникающих в уголовном судопроизводстве, и достижения справедливости при производстве по уголовному делу ограничение конституционных прав человека неизбежно.

Одним из эффективных механизмов, легально регулирующих справедливость наложенных ограничений прав, служат меры процессуального принуждения. Рассматриваемой системой мер принуждения охватывается весь комплекс средств, применяемых ко всем участникам уголовного процесса.

Наиболее точно отражают избранную нами точку зрения С. Н. Смитюшенко и С. А. Смитюшенко, которые полагают, что законодательное закрепление понятий «меры принуждения» и «меры пресечения» в уголовном процессе отсутствует, однако сами термины нередко используются в диспозициях норм [4]. В действительности в ст. 5 УПК РФ нет дефиниции выше исследованных понятий, однако, изучив значительное количество научной и учебной литературы, отметим, что в доктрине уголовного процесса различными учеными-теоретиками предложено множество вариантов развернутого понятия мер пресечения. Например, под мерой пресечения В. А. Михайлов понимает закрепленные законодательством меры государственного принуждения, посредством которых ограничиваются личные права, свободы подозреваемого или обвиняемого, а также минимизируется возможность скрыться от органов следствия и суда. При этом устраивается возможность отлучения без соответствующего разрешения у правомоченного лица с места жительства или временного нахождения; а также предупреждается и пресекается неправомерное противодействие со стороны обвиняемого по установлению истины по уголовному делу, обеспечиваются его надлежащее поведение, исключающее совершение новых преступлений, своевременная явка по вызовам органов следствия, прокурора, суда, а также исполнение приговора [5].

В общих чертах рассматриваемая дефиниция представляется достаточно полной, но не совсем ясно, почему авторы решили назвать меры пресечения общим понятием «государственное принуждение», поскольку принуждение может быть рассмотрено в аспекте регулирования правоотношений не только подозреваемого/обвиняемого, но и других участников уголовного процесса.

С целью всестороннего, полного и справедливого разбирательства по уголовному делу значимость использования в отношении подозреваемого/обвиняемого мер процессуального пресечения трудно переоценить. В главе 13 УПК РФ регламентирован исчерпывающий перечень мер пресечения,

которые являются основополагающим институтом нашего исследования. Приведем одну из возможных классификаций применения мер пресечения.

Меры процессуального пресечения, избираемые:

1) по судебному решению:

- заключение под стражу;
- домашний арест;
- залог;

— запрет определенных действий;

2) решению следователя/дознавателя:

- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним подозреваемым.

В первую очередь следует обратить внимание на те процессуальные меры, которые избираются по решению суда. Исходя из представленного перечня, их четыре: заключение под стражу, домашний арест, залог и запрет определенных действий. В основном напрашивается логичный тезис о справедливости и строгости рассматриваемых мер, поскольку они ограничивают конституционные права граждан намного больше нежели избираемые по решению следователя/дознавателя, соответственно, за их избранием и необходим тщательный судебный контроль.

Для того чтобы избрать одну из четырех рассматриваемых мер пресечения, необходимо мотивировать суду законность и обоснованность ее применения, то есть ключевым вопросом при применении мер процессуального пресечения станет критерий правомерности избрания меры, в нашем случае — запрета определенных действий.

Запрет определенных действий в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ закрепляет перечень запретов и ограничений, отражающих сущность принудительной меры. По нашему мнению, стоит обратить внимание на запреты на коммуникацию, предусмотренные п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, поскольку именно запрет на общение с определенными лицами может быть возложен

с целью безопасности свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса, если есть основания опасаться за свою жизнь. В законодательствах зарубежных стран (например, в США, Канаде, Киргизской Республике, Республике Молдове) существуют «запретительные» приказы и приказы «о не досаждении», тождественными отечественному запрету на коммуникацию.

Показательным примером может послужить апелляционное постановление Московского городского суда, где в отношении гражданина А. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (50 эпизодов), впоследствии лицу избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с возложением ряда запретов и ограничений. Из материалов дела следует, что в отношении потерпевших и лиц, осуществляющих предварительное расследование, неоднократно высказывали угрозы убийством и расправой. В итоге потерпевшие С., А., Ф., Ж., Н. и другие направляли апелляционные жалобы с выражением несогласия выводов суда, поскольку соучастники преступлений угрожают им. Однако под государственную защиту поместили оперуполномоченного и его семью [7, с. 3].

При незаконном применении мер пресечения в отношении государственных органов правовые последствия возникают, если доказана незаконность действий правоохранительных органов. Лишь при таком стечении обстоятельств имеет место возмещение вреда, причиненного незаконным применением меры пресечения органами государственной власти: в таком случае мера пресечения должна быть отменена.

Меры пресечения как публично-правовые механизмы ограничений прав человека и гражданина выполняют не только ограничительную функцию для лица, к которому они применяются, но и обеспечительную функцию, которую в данном контексте следует понимать как защиту лица, потерпевшего от противоправного посягательства.

Поскольку принудительные меры будут являться механизмом, ограничивающим конституционные права лица,

участвующего в уголовном процессе, их незаконное применение недопустимо.

Таким образом, правомерное ограничение прав и свобод личности складывается из соразмерности и справедливости избираемой меры пресечения к подозреваемому/обвиняемому с тяжестью деяния, которое он совершил. Запрет определенных действий вполне обоснованно может служить гарантом обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе.

Примечания

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // РГ. 2018. 20 апреля.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп. от 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

3. Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. Казань. 2018. С. 270–280.

4. Смитюшенко С. Н., Смитюшенко С. А. Обеспечение конституционных прав человека при применении мер пресечения в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 113–118.

5. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе: учебник для вузов. Москва, 1996. 304 с.

6. Загвоздкин Н. Н., Кузора С. А. Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86.

7. Яковлева С. А., Кутянина А. С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государ-

ственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. № 1 (17). С. 87–96.

8. Апелляционное постановление Московского городского суда (Московская область) от 14 марта 2017 г. № 22-***/2017 по уголовному делу № 10-4188/17 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2023).

УДК 343.14

*E. С. Храмцов,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
канд. юрид. наук, доц. *M. В. Лапатников*

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

На протяжении длительного времени сохраняется тенденция к увеличению количества преступлений, совершенных против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данный вид преступлений составляет примерно треть от общего количества зарегистрированных преступлений, при этом отсутствует тенденция роста количества раскрытия преступлений данного вида [1]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии проблем в доказывании по уголовным делам о преступлениях данного вида.

В начале XIX в. в качестве одного из принципов предварительного расследования М. С. Строгович выделял активность и быстроту расследования, обосновывая это тем, что лишь при условии быстрого реагирования органов расследования на преступления и максимального приближения момента суда и применения наказания к моменту совершения преступления может быть обеспечена успешность борьбы с преступностью [2, с. 168].

Содержательная часть представленного обоснования прослеживается в законодательно закрепленном в ст. 6¹ УПК РФ принципе — разумный срок уголовного судопроизводства [3].

По нашему мнению, именно несоответствие процедуры получения органами предварительного расследования информации, содержащей сведения, составляющие охраняемую ФЗ тайну, уровню развития информационно-телекоммуникационных технологий не позволяет эффективно осуществлять доказывание по уголовным делам о преступлениях исследуемого вида. Данный вывод обусловлен:

во-первых, общей для таких преступлений спецификой объективной стороны, выраженной в необходимости использования преступником средств телекоммуникации и дистанционном способе получения чужого имущества (в большинстве случаев — денежных средств);

во-вторых, необходимостью использования в доказывании сведений, составляющих охраняемую ФЗ тайну;

в-третьих, высокими временными затратами на собирание в качестве доказательств сведений, составляющих охраняемую ФЗ тайну.

Такие источники доказательств, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, о движении денежных средств по счетам физических и юридических лиц, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи, контроль и запись переговоров, позволяют получать и использовать в доказывании сведения, составляющие охраняемую ФЗ тайну.

Кроме того, перечисленные выше источники доказательств с учетом уровня развития информационно-телекоммуникационных технологий по своей сути подразумеваю электронную природу их происхождения, позволяют хранить и передавать сведения в электронном виде. В настоящее время сформирована следственно-судебная практика использования в доказывании сведений, полученных в электронном виде, в том числе составляющих охраняемую ФЗ тайну [4].

По нашему мнению, именно возможность получения в электронном виде сведений, на основе которых субъекты доказывания устанавливают наличие/отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, будет способствовать соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства. Однако именно такой способ собирания доказательств апеллирует к термину «электронные доказательства», который с каждым годом вовлекает все больше ученых в дискуссии по поводу его содержания, положения электронных доказательств в системе доказывания, способов их собирания, проверки и оценки. Например, Р. И. Оконенко предлагает относить электронные доказательства к иным документам, если для дела имеет значение только основное содержание, или к вещественным доказательствам, если значима информация о его свойствах и характеристиках [5, с. 9–10].

В работе на тему «Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса» В. С. Черкасов приходит к аналогичному выводу в части возможности использования законодательно закрепленных видов доказательств. Он утверждает, что «...к электронным носителям информации, содержащим следы преступления, следует относиться как к вещественным доказательствам. Когда же требуется информация справочного характера, необходимо применять правовой режим иного документа» [6, с. 11].

Иной позиции придерживается Н. А. Зигура. Он рассматривает компьютерную информацию (сведения, представленные в электронно-цифровой форме) в качестве самостоятельного вида доказательств, аргументируя свою позицию спецификой формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс или способа преобразования ее в доказательство [7, с. 8].

Специфику формы электронных доказательств приводит и В. Б. Вехов в качестве отличия от имеющихся видов доказа-

тельств, рассматривая электронные доказательства в качестве самостоятельного вида доказательств [8, с. 48]. Он формулирует понятие «электронные доказательства», в качестве которых рассматривает «...любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальным законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [8, с. 47]. Ученый также выявляет проблему прикладного характера, сформулированную им как «...отсутствие полноценных научно обоснованных рекомендаций по оптимальному получению, оценке и использованию электронных доказательств» [8, с. 50].

Активное развитие получила иная позиция, сводящаяся к отказу от исчерпывающего перечня доказательств, выраженная в трудах А. С. Александрова [9, с. 82–83].

А. М. Баранов в целом подвергает критике позицию о существовании электронных доказательств, рассматривая электронную среду, средства сохранения и передачи информации не в качестве электронных доказательств, а как хранителей информации, аргументируя это тем, что источником доказательств всегда является человек [10, с. 67].

Авторские формулировки понятия «электронные доказательства» предложены многими исследователи, например, М. И. Ворониным [11, с. 79], А. Ю. Отченаш [12, с. 95], О. В. Желевой [13] и другими. Однако предложенные формулировки не содержат (да и не могут содержать) принципиальных отличий в части возможных форм и содержания данного средства доказывания.

Заслуживает внимания максимально лапидарная формулировка, предложенная в 2021 г. авторами проекта Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, в соответствии с которой электронное доказательство означает любую доказательную информацию, хра-

нимую или передаваемую в цифровой форме (на электронном носителе информации) [14]. Данная формулировка не позволяет в полной мере раскрыть форму этого средства доказывания, поскольку содержит упоминание о таком понятии, как «электронный носитель информации», которое не раскрывается в рассматриваемом проекте. Из предложенной формулировки нельзя сделать однозначный вывод: является ли данный атрибут обязательным для электронного доказательства.

Ежегодно Генеральной Ассамблей Организации Объединенных Наций проводятся сессии по обсуждению предложенного проекта, однако обсуждения продолжаются до настоящего времени. Это позволяет сделать вывод, что предложенная формулировка не является окончательной.

Множественность определений электронных доказательств, мнений по поводу их положения в системе доказывания, способов их собирания, проверки и оценки свидетельствует об активном развитии научной мысли в данной области, что, учитывая уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий, позволяет сделать вывод о наличии широких возможностях использования таких доказательств.

Соглашаясь с мнением П. С. Пастухова, Р. И. Оконенко, В. С. Черкасова, мы придерживаемся позиции отсутствия необходимости формирования нового вида доказательств [15], но считаем необходимым уточнить, что доказательствами по уголовному делу могут являться любые сведения, в том числе в электронном виде.

Возвращаясь к доказыванию по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, рассмотрим модель ситуации, в которой используются сведения, составляющие охраняемую ФЗ тайну, полученные в электронном виде.

От оператора связи посредством электронного документооборота следователем в соответствии со ст. 165, 186¹ УПК РФ получена информация, подписанная **усиленной квалифицированной электронной подписью**, о соединениях между абонен-

тами и (или) абонентскими устройствами по абонентскому номеру, используемом преступником при совершении преступления. Кроме того, от кредитной организации посредством электронного документооборота следователем в соответствии со ст. 21 УПК РФ и ст. 26 ФЗ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [16] получена информация, подписанная **усиленной квалифицированной электронной подписью**, в виде справки по счету физического лица (преступника), а также видеозаписи из банкомата, на которой запечатлен момент получения преступником похищенных денежных средств.

По нашему мнению, значимость для доказывания содержания и (или) формы информации, поступившей в электронном виде, будет определять вид доказательств, к которым ее следует относить. Если значение имеет исключительно содержание такой информации, то ее необходимо относить к иным документам.

Если значение имеет форма или форма в совокупности с содержанием, то такую информацию необходимо относить к вещественным доказательствам. С учетом данного вывода в приведенной ситуации не возникает сложностей отнесения полученной информации в электронном виде к имеющимся законодательно закрепленным видам доказательств и последующего ее использования в доказывании.

Следователю необходимо провести осмотр полученной им информации. Электронный документ в виде справки по счету физического лица должен быть приобщен к материалам уголовного дела в качестве иного документа, поскольку доказательственное значение имеет исключительно его содержание. Видеозапись следует приобщить к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства, поскольку доказательственное значение имеют ее форма и содержание.

Проблему формирует ситуация, складывающаяся с электронными документами, содержащими информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, доказательственное значение в которых представляет исключительно содержание. В связи с наличием императивного

требования, закрепленного в ч. 6 ст. 186¹ УПК РФ, они должны быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. Аналогичная ситуация складывается с наличием схожего императивного требования, закрепленного в ч. 8 ст. 186 УПК РФ, в случае производства контроля и записи переговоров.

Решение обозначенных проблем мы видим в активизации внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в досудебную стадию уголовного судопроизводства, переходе на электронный документооборот между субъектами доказывания и субъектами аккумулирования сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, а также исключении императивных требований, закрепленных ст. 186, 186¹ УПК РФ, в части приобщения к материалам уголовного дела полученной информации в качестве вещественного доказательства.

Примечания

1. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 13.10.2023).
2. Строгович М. С. Уголовный процесс: учебник. Москва, 1941. 310 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // РГ. 2001. 22 декабря.
4. Приговор Шатурского городского суда Московской области от 18 февраля 2022 г. № 1-392/2021 1-6/2022 по делу № 1-392/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RYL0iMpCRAgC/> (дата обращения: 14.10.2023).
5. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016.

6. Черкасов В. С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022.
7. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
8. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (1). С. 46–50.
9. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 80–85.
10. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.
11. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 74–84.
12. Отченаш А. Ю. К вопросу о самостоятельности электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Альманах молодого исследователя. 2021. № 11. С. 92–95.
13. Желева О. В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 44–49.
14. Конвенция Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 13.10.2023).
15. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695–707.
16. О банках и банковской деятельности: ФЗ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // РГ. 1996. 10 февраля.

*А. М. Черкасова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России*

Научный руководитель —
д-р юрид. наук, проф. *Н. Н. Ковтун*

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В соответствии с Конституцией РФ [1] РФ есть демократической государство, которое гарантирует каждому права и свободы. Человек может быть ограничен в своих конституционных правах лишь в случаях, предусмотренных ФЗ. Согласно ст. 22 высшего нормативного акта РФ каждый имеет право на свободу передвижения. При этом в гл. 12 УПК РФ предусмотрена возможность задержания лица, выраженная в ограничении свободы и личной неприкосновенности [2].

В УПК РФ отражено положение Конституции РФ в части срока задержания, которое закрепляет, что задержание может быть осуществлено до 48 часов до судебного решения. В уголовно-процессуальном законе закреплены и иные сроки, регулирующие процедуру производства задержания лица и последующих обязательных процессуальных действий.

Нормы, касающиеся задержания лица, а именно момента начала исчисления срока и момента (определения фактического момента) его задержания, неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного суда РФ вследствие их обжалования. Органом конституционного контроля не усматривались нарушения закона и в его определениях было отмечено следующее:

- 1) указание в протоколе задержания времени лишения свободы лица исключает «...бесконтрольное, вне установленных сроков, содержание задержанного правоприменительным органом» [3];
- 2) указанные нормы гарантируют «...исчисление срока задержания с момента фактического лишения подозреваемого свободы» [4];
- 3) задержание «...связано с необходимостью обеспечения законных интересов других лиц и гарантит правосудия, что соразмерно ограничивает право задержанного на свободу передвижения» [5; 6].

Несмотря на значительный объем неудовлетворенных жалоб, судебно-следственной практике известны случаи незаконного ограничения лица в праве на передвижение, выражющиеся в превышении сроков задержания или незачете срока с момента фактического задержания до составления протокола задержания [7].

Первая проблема возникает в связи с незакреплением срока перемещения лица с момента его фактического ограничения передвижения до момента его доставления к следователю или органу дознания. Иногда он может занимать продолжительное время, в связи с чем уполномоченное лицо не успевает провести все следственные и процессуальные действия до направления материалов в суд, отводимые законодателем на процедуру задержания.

Вторая проблема связана с ограничением во времени следователя и органа дознания на составление протокола задержания. Не всегда предоставленные законные часы (три часа) достаточны для производства процессуальных действий (чтобы удостовериться в личности лица и причастности его к преступлению), возбуждения уголовного дела и непосредственно составление протокола задержания.

Опрос сотрудников предварительного расследования свидетельствует о том, что более половины следователей и дознавателей фальсифицируют документы с помощью «вписывания нужных сроков» в различных документах (протоколах, поста-

новлениях) с целью уложиться в трехчасовое юридическое задержание лица. В результате невнимательности уполномоченные лица допускают ошибки (например, совпадение по времени или наложение во времени следственных и процессуальных действий). Кроме того, уголовно-процессуальные сроки, закрепленные в главе УПК РФ, посвященной институту задержания, начинают исчисляться по-разному: с момента ограничения передвижения лица (фактического задержания) или с момента составления протокола о задержании.

Опрос сотрудников органов предварительного расследования свидетельствует о том, что указанная неопределенность (фактического и юридического задержания) вызывает у должностных лиц проблемы в практической деятельности с определением момента начала срока задержания: они начинают исчислять с момента вынесения соответствующего протокола, а не с момента фактического ограничения передвижения лица.

Выход из описанной ситуации предложил О. А. Анашкин, отмечая, что необходимо «...срок задержания исчислять с момента его процессуального оформления», при этом указывая, что протокол должен быть составлен не позднее трех часов с момента фактического ограничения свободы передвижения [8, с. 85]. С изложенной точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, поскольку далеко не всегда возможно доставить лицо, ограниченного в свободе передвижения, к следователю или к дознавателю в такой короткий срок.

Таким образом, процессуальные сроки, входящие в институт задержания, являются процессуальной гарантией как защиты личности, так и обеспечения правосудия.

С целью исключения ошибочных действий следователей и органа дознания, а также обеспечения единства правоприменения, считаем необходимым внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство в части исправления момента начала исчисления сроков, отраженных в УПК РФ, а именно начинать их исчислять с момента вынесения протокола задержания. При этом фактически задержанное лицо должно быть доставлено к следователю или в орган дознания в воз-

можно короткий срок; срок фактического ограничения свободы передвижения включать в срок заключения под стражу.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с изменениями, внесенным Законом Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ и одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // РГ. 2020. 4 июля.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2023).

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скляра Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 97 Федерального конституционного закона «О конституционном суде Российской Федерации» и рядом положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 2783-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2023).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вождаева Кирилла Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 7, 47, 53, 61, 86, 91, 159, 217, 219, 234, 259, 260, 274, 281, 284, 389.6 и 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации

[Электронный ресурс]: определение Конституционного суда РФ от 24 марта 2015 г. № 678-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2023).

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 1 и частью первой статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда РФ от 24 ноября 2016 г. № 2583-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2023).

7. Дело «Бурлаков против Российской Федерации» (жалоба № 50495/07) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 1 декабря 2020 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2023).

8. Анашкин О. А. Сроки в уголовном процессе: на досудебных стадиях: учебное пособие. Москва, 2006. 144 с.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АДЬЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Выпуск 29

Сборник статей

Редакторы: *Н. А. Елизарова, Н. Б. Помадина*
Компьютерная верстка *Т. В. Булкиной*
Дизайн обложки *Д. В. Ростова*

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10,15.
Тираж 40 экз. Заказ 423

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3